

НОВОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ ГЕНИЯ-СОЦИОФОБА

КОРОЛИ ВКУСА

ВАСИЛИЙ КРИПТОНОВ

МИЛА БАЧУРОВА

Василий Криптонов
Мила Бачурова
Короли вкуса
Серия «Неон», книга 2
Серия «Расследование вели двое»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69319156
Короли вкуса. Детективный роман: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-155350-0

Аннотация

Вероника вляпалась. Прямо на ее глазах во время съемок кулинарного шоу умирает популярный ведущий. И не просто умирает – он отравлен, и под подозрением так или иначе оказываются все: участники шоу, сотрудники телестудии, гости в зрительном зале.

Разве сможет Тимофей пройти мимо, когда его напарнице так важно найти убийцу? И пусть специализация Неона – дела архивные, а его умение общаться с живыми людьми оставляет желать лучшего, он найдет возможность расследовать преступление, совершенное здесь и сейчас. Но не подставит ли это под удар того, кто ему так близок?

Читайте вторую книгу увлекательного цикла «Неон» о расследованиях видеоблогера-социофоба!

Содержание

01	5
02	13
03	18
04	23
05	36
06	42
07	49
08	61
09	66
10	72
11	76
12	81
13	87
14	95
15	102
Конец ознакомительного фрагмента.	105

**Василий Кристонов,
Мила Бачурова
Короли вкуса
*Детективный роман***

*** * ***

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Кристонов В., Бачурова М., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Москва, июнь 202... года

Адвокат Валерий Невзоров взял трубку стационарного телефона, выслушал сообщение и раздраженно сказал:

– Раз говорит, что жду, – значит, жду. Пусть войдет.

После чего положил сцепленные руки на исцарапанную крышку старого письменного стола.

Казалось, этот стол насквозь пропитался атмосферой последних лет. От одного взгляда на него сводило зубы, а пульс зашкаливал. Но теперь наконец можно избавиться от этой дряни. Можно даже взять топор и разнести его вдребезги. Полить шампанским и долго-долго безумно хохотать.

Дверь открылась, в кабинет вошел молодой человек. В потрепанных джинсах, заношенных кроссовках и наглухо застегнутой спортивной куртке. Через плечо – сумка для ноутбука. Помня о приличиях, бейсболку парень держал в руке. Но, честно говоря, лучше бы ее не снимал. От стриженного под машинку черепа веяло если не уголовщиной, то чем-то очень близким. Увидев такого человека вечером на пустынной улице, Валерий поспешил бы свернуть.

– Здравствуйте, – сказал парень, замерев у порога.

– Проходи, садись, – кивнул Валерий на стул.

Стулья тоже надо будет заменить. Да и вообще... Почему бы не переехать в более приличное место? Туда, где ничто не будет напоминать об этих годах адской работы. Малолетние наркоманы, малолетние проститутки, безмозглая гопота, пьяные водители... И все, тупо тараща глаза, мямлят одно и то же – одну и ту же ложь, изо дня в день, снова и снова.

– Спасибо. – Парень уселся на указанный стул и вновь уставился на Валерия. – Вы довольны моей работой?

Глаза – вот, пожалуй, единственное, что мешало образу «уголовника». Парень смотрел так, будто находился далеко-далеко отсюда. В какой-то космической капсуле, и происходящие на Земле события беспокоили его не больше вечернего эпизода сериала, который включают, чтобы скоротать время за приготовлением ужина. Такого, от которого через пять минут в памяти не останется ни сюжета, ни названия.

– Доволен ли я? – усмехнулся Валерий. – Тимофей... Не часто такое говорю, но сейчас просто не могу удержаться. Я – больше чем доволен. Я в полнейшей эйфории! И на твоём месте ловил бы момент. Я чувствую себя... да просто как наркоман после дозы!

– Вы принимали наркотики? – ровным голосом осведомился Тимофей.

– Что? Нет! Конечно, нет.

– Тогда откуда вы знаете, как чувствуют себя наркоманы? К этому нужно было привыкнуть. Парень не шутил, не из-

девался и не наезжал. Он просто задавал вопросы. Как Стивен Хокинг, положивший жизнь на создание Теории Всего, этот парень пытался понять всё. Только он не был физиком. Его не интересовали взаимодействия частиц. Роль частиц для Тимофея выполняли люди.

– Давай оставим эту тему, – предложил Валерий. Долгие годы адвокатской практики научили его находить общий язык с кем угодно. Исключением не стал даже такой крепкий орешек, как Тимофей. – Да, я доволен твоей работой. Я, что уж скрывать, в восхищении от твоей работы! Скажу честно: если бы не ты, мне просто не с чем было бы идти в суд.

– Суд прошел вчера, – напомнил Тимофей. – Все благополучно? Ваш клиент оправдан?

– Полностью. Обвинения сняты. Нет даже судимости. Это – лучше, чем победа.

Тимофей кивнул:

– Само собой. Обвинения должны были быть сняты. Он ведь невиновен.

Валерий улыбнулся. Было бы преувеличением сказать, что парень годился ему в сыновья, но иногда не мог удержаться от «отеческих» ноток в общении.

– Если бы ты знал, как часто проходят подобные дела...

– Я знаю.

– Ну да. Ты всё знаешь.

– Не всё. Я пришел поговорить об оплате.

Валерий кивнул и потянул на себя ящик стола.

– Как я уже говорил, хочу быть с тобой честным. Мы договаривались на определенную сумму, но я рассчитывал ее исходя из того, что предполагал получить сам... Вернее, не совсем так. Я исходил из того, что мог бы выплатить, даже провалив это дело, понимаешь? Да-да, можешь считать меня последним честным адвокатом на планете. Но поскольку дело прошло как нельзя лучше, я признаю, что твои услуги стоили гораздо больше. И я бы увеличил оговоренную сумму до... скажем, вот такой.

Написав несколько цифр на листочке, Валерий подвинул его по столу к своему странному визитеру.

Тимофей бросил взгляд на цифры. Во взгляде ровно ничего не изменилось.

– Речь, само собой, не о рублях, – поспешил добавить Валерий.

– Меня не интересуют деньги.

Валерий с недоумением посмотрел на листочек. Неужели он забыл нолик? Нет, не забыл, все на месте. Осторожно спросил:

– И... как это понимать?

– У меня есть источник дохода, который покрывает все мои потребности.

– А, да. Тот видеоблог. Инфобизнес, – кивнул Валерий. – Вкусы толпы переменчивы, знаешь ли.

– Я не припомню ни одной исторической эпохи, в которую толпа не интересовалась бы убийствами, – заметил Тимо-

фей. – Ваше дело было самым скучным и простым из всех, с которыми я связывался. Банальная финансовая махинация.

– Так зачем же связался? Если отказываешься от денег...

– Я не отказываюсь от денег, я просто сказал, что они меня не интересуют. Но я их заберу, если вы отрицательно ответите на мое предложение.

Валерий напрягся.

– Какое?

Тимофей изложил свое предложение – все такими же отрывистыми, четкими фразами, не вкладывая в них никаких эмоций. Закончил словами:

– Вам наверняка захочется убедиться, что я говорю правду. Вот, можете взглянуть на дипломы.

Вытащил из сумки красивые бумаги и протянул Валерию. Тот с изумлением воззрился на витиеватые латинские буквы.

Пробормотал:

– Впечатляет.

– Это означает, что мое присутствие в штате не бросит тень на ваш бизнес? – уточнил Тимофей.

– Нет, безусловно, нет. Но... – Валерий растерянно потер лоб. – погоди. Давай проясним еще раз. Ты отказываешься от денег, чтобы работать на меня, так? Я правильно понял?

– Не совсем, Валерий Викторович. Я не собираюсь работать на вас. У меня, как вы верно заметили, уже есть работа. Однако сейчас я расширяю сферу деятельности, и мне понадобятся некоторые... скажем так, полномочия. От вас

мне нужно всего лишь удостоверение, подтверждающее, что я работаю в вашей конторе. И если сюда поступит звонок, запрашивающий подтверждение, уверенный голос должен ответить, что я действую в рамках своих должностных обязанностей. Разумеется, я понимаю, что это влечет за собой некоторые неудобства. Поэтому готов предложить небольшую компенсацию. Скажем, одно дело в год. Поиск доказательств, анализ... Словом, всё, что я сделал для вас сейчас.

– Всего лишь, – повторил Валерий. – Удостоверение.

– Это проблема?

– Пока не знаю. Что это будет за деятельность?

– Когда человека сажают за решетку, поговорить с ним не так-то просто, – пояснил Тимофей. – Однако адвокатские корочки открывают многие двери и требуют минимума комментариев. Я, как вы, возможно, заметили, не умею уговаривать. Поэтому стараюсь держать в руках что-то, что говорило бы за меня.

Валерий невольно представил в руках Тимофея пистолет. И попытался не содрогнуться. Тимофей, должно быть, истолковал его молчание по-своему.

– Это хорошие деньги, – кивнул он на листок бумаги. – Уверен, вы найдете им применение.

Да уж, безусловно. Применений даже искать не придется. Сейчас нужно в кратчайшие сроки переменить в жизни все, чтобы начать соответствовать новому ее уровню. Новому типу клиентов. Людей, для которых судебный процесс –

не эпитафия на могильной плите, а одна из множества строчек в ежедневнике. Одна из статей расходов.

– От меня еще что-то требуется? – спросил Тимофей, выдержав паузу.

– Фотография, – только и сказал Валерий.

Тимофей достал из сумки файл и положил на стол.

– Тут шесть фотографий и распечатка с паспортными данными. Сколько времени займет подготовка удостоверения?

– Я позвоню, – пообещал Валерий.

Они встали одновременно. Валерий обошел стол и протянул Тимофею руку. Тот, помедлив, пожал.

– Тебе придется подписать договор найма, – сказал Валерий. – Это стандартный документ. В твоем случае он просто будет уточнять, что...

– ...что я работаю сдельно. Получаю не оклад, а процент с дел, которыми занимаюсь, – закончил за него Тимофей. – Что ж, разумно. Если вдруг через пять или десять лет я окажусь на мели и мне взбредет в голову взыскать с вас через суд зарплату за все прошедшие годы.

– Просто формальность, – отвел взгляд Валерий.

Тимофей кивнул:

– Да, я понял. Жду звонка. – И вышел.

Валерий откинулся в кресле. Сложил руки за головой и задумчиво всмотрелся в стену дома напротив.

Из-за него в кабинете вечный полумрак. Неудачное место. С какой стороны ни взгляни – неудачное... Повернув голову,

увидел нетронутый листок с впечатляющей цифрой. Улыбнулся. Поднял трубку и набрал номер. Приказал:

– Найди нам новое помещение. Хорошее помещение!.. Ну, ты понимаешь. И еще. – Валерий взял со стола файл, всмотрелся в шесть крохотных лиц Тимофея Бурлакова – известного на всю страну как Неон и вместе с тем неизвестного практически никому. – Нужно принять к нам в штат одного человека. Данные у меня. Зайди.

Москва, август 202... года

– ...Итак, жюри сделало свой выбор. В следующий этап проходят: Елизавета Белозерова, Краснодар! Артем Рязанцев, Нижний Новгород! Максим Садыков, Усть-Каменогорск! Поприветствуем участников...

– Мам, можно я потише сделаю? – взмолилась вошедшая в комнату Вероника. Она держала в руках поднос. – Ну уши закладывает, честное слово.

Мама скорбно вздохнула.

Звук в телевизоре Вероника убавляла под ее пристальным взглядом. О том, чтобы выключить шоу, речь не шла. Мама смотрела «Королей вкуса» не первый год, и Вероника подозревала, что скорее отказалась бы от визита дочери в Энск, чем от просмотра.

Вероника расставила на столике перед диваном чашки, разлила чай. Открыла коробку с привезенными из Москвы пирожными и села на диван рядом с мамой. Заговорить можно будет, когда начнется реклама. Раньше – бесполезно, это Вероника слишком хорошо знала.

После того как реклама закончится, мама снова уткнет-

ся в шоу. После шоу начнется сериал, а потом пора будет ложиться спать. Все вместе это называлось «приехать навещать маму». На то, чтобы искать в этом действе логику, Вероника давно забила.

Раз в месяц-два она приезжала в Энск на вечерней электричке, смотрела с мамой шоу и сериал, пила чай, а утром после завтрака уезжала обратно в Москву. Это было гораздо менее нервозатратно, чем искать повод, чтобы не приехать, или пытаться выпросить, для чего вообще приезжать, если в общей сложности на разговор с ней мама тратит от силы час – куда меньше, чем они разговаривают по телефону.

Мама смотрела шоу, время от времени комментируя происходящее на экране. Вероника, заткнувшая одно ухо наушником и держащая в руках смартфон, рассеянно угукала.

Мама вдруг ахнула и схватилась за сердце. Вероника подняла на нее вопросительный взгляд.

– Матвея Гладкова выгнали! – посетовала мама. – Кошмар, такой талантливый юноша! Я так за него болела.

Вероника сочувственно поцокала языком. Посмотрела на экран: там заливался крокодиловыми слезами «талантливый юноша» в возрасте хорошо за тридцать. А параллельно показывали ролик – нарезку из его участия в шоу.

Вот юноша, гордый и раскрасневшийся, над блюдом с чем-то. Вот он же, унылый и расстроенный, над другим блюдом. Обнимается с участниками. Ругается с участниками, с кем-то даже полез в драку. Наклоняет голову, получая ка-

кую-то медаль.

И во всех кадрах неизменно присутствует один и тот же крупный рыжебородый дядька в белом колпаке и фартуке – Шеф. Самый Главный Повар Проекта, его истинный король. Вершитель судеб, разящая и благословляющая рука. Вероника смотрела на этого дядьку не первый год. Терпеть его не могла. Не раз пыталась представить на месте участников шоу себя – и понимала, что задержаться на тамошней кухне ей не помогли бы никакие кулинарные таланты.

Казалось, что основное удовольствие Шефу доставляет изощренное издевательство над участниками. Рассказ о том, какие они безмозглые и безрукие ничтожества, у которых никогда ничего не получится. Снисходительный совет: «Я бы мог предложить добавить щепотку молотого кориандра из коры базальтового дерева, собранного ручными мартышками в полнолуние на северном склоне Килиманджаро, это придало бы блюду пикантность, но...» – и многозначительное молчание. Дескать, мог бы предложить, но зачем? Не вижу смысла тратить свои драгоценные знания на имбецилов.

Вот и сейчас Шеф заливался соловьем, рассказывая, каких высот мог бы достичь Матвей Гладков, но...

– Терпеть его не могу, – не сдержалась Вероника. – Индюк надутый! Как они его только выносят?

Мама посмотрела укоризненно.

– Ну что ты такое говоришь? Это же сам Федор Ильичев! Ой, я тебе не рассказывала? – Шоу как раз прервали на ре-

кламу, мама пришла в сознание и обратила внимание на Веронику. – Представляешь, тети-Лидина племянница участвовала в этом шоу! Юленька, она в Москве учится, в Финансовой академии. Такая талантливая девочка...

– Да-да, я помню, – кивнула Вероника.

Дети и племянники маминых подруг все поголовно были успешны, талантливы и счастливы в личной жизни – в отличие от Вероники. А занимались они исключительно тем, что с утра до ночи навещали мам.

Юленька, если Вероника ни с кем ее не путала, училась на платном отделении какого-то задрипанного вуза и с завидным постоянством тянула с родителей деньги «на учебу».

Благодаря знакомству с Тимофеем Вероника научилась считывать с фоток на страничках в соцсетях массу информации – помимо той, что была выложена в общий доступ. Она готова была спорить на последний грош, что учеба – пожалуй, последнее, чем Юленька занимается в Москве. Но с мамой своими выводами не делилась. Бог с ней, с Юленькой, и прочими талантливыми детьми. Маминым сказкам Вероника перестала верить лет примерно в двенадцать и тогда же решила, что ничьи дети ей не указ. Маме она улыбалась, кивала, но поступала всегда по-своему. «Вся в отца», – безнадежно комментировала ее поступки мама.

– Так вот, – воодушевленно продолжила та, – Юленьке предложили участвовать в шоу, представляешь?

– В самом шоу или в съемках? – уточнила Вероника. С до-

садой подумав, что Тимофей пускает в нее свои занудливые корни чем дальше, тем глубже. Вот, казалось бы, какое ей дело до этой Юленьки, которую встретить на улице – не узнает? Так нет же, блин! Непременно надо выяснить. – В шоу участвуют те, кто готовит блюда. А помимо них, есть еще целая толпа народа – те, кто сидят в зале и хлопают в ладоши.

– Юленька не готовила, – с неудовольствием признала мама. – Но она подошла к самому Ильичеву! У нее есть фотография с ним, тетя Лида мне присылала.

– Я тебе тоже пришлю, – не сдержалась Вероника. – Хочешь?

Мама захлопала глазами.

Вероника уже ругала себя за порыв, но деваться было некуда. Она демонстративно провела пальцем по экрану смартфона. Нашла в записной книжке нужный номер.

– Алло. Вован? Слушай, тут такая тема...

– Ну и где эта твоя Антонина?

Вероника и Вован топтались в холле на первом этаже телестудии. Дорогу загораживал турникет, рядом с турникетом сидел охранник. Для того чтобы пройти дальше, к турникету следовало приложить электронную карточку-пропуск. Пропусков у Вероники и Вована не было. В холле они топтались уже с полчаса, и охранник смотрел на них чем дальше, тем подозрительнее.

Интересно, задумалась Вероника, какой у него лимит по топтаниям? Сколько времени он дает людям на то, чтобы раздобыть пропуск, перед тем как предложить им валить, откуда пришли?

Вован театрально всплеснул руками.

– Ее зовут не Антонина, а Агния! Сколько можно тебе говорить? Неужели нельзя запомнить?

– Можно, – буркнула Вероника. – Только на фиг, если ее тут все равно нет?

– Агния очень загружена на работе, я же объяснял. Сегодня жутко ответственная съемка, финал «Королей». Ты даже не представляешь, как нам с тобой повезло! Агния обещала, что как только вырвет свободную минутку, сразу спустится за нами.

– Надеюсь, она это сделает все-таки во время рабочего дня, – проворчала Вероника. – А не после того, как съемки закончатся и этот индюк домой свалит.

Настроение у нее было паршивым. Вероника сто раз успела пожалеть об обещании, которое так беспечно дала маме. И почему, интересно, думала, что оказаться на этом идиотском шоу так легко?.. Наверное, потому, что Вован хвастался без передыху! Его послушать, так в любую телестудию дверь с ноги открывает. Вот она, дура, и послушала. Хотя знает Вована третий год – как и то, что все его байки нужно делить на два. А лучше на пять. Вероника повернулась к Вовану, собираясь еще раз блеснуть едким остроумием, но сказать ничего не успела.

– Приве-ет! – с другой стороны турникета к ним спешила Агния.

О том, что это именно Агния и что спешит она именно к ним, хотя народу в холле толклось немало, Вероника догадалась сразу.

Длинные, ниже талии, волосы выкрашены в темно-рыжий цвет – только две широкие пряди, расходящиеся в стороны от пробора, белые. Пирсинг в правой брови, пухлые, подведенные оранжевой помадой губы, черная водолазка без рукавов, черная юбка-карандаш и тончайшие колготки в сеточку. Свою фотомodelьную фигуру Агния несла на каблуках высотой примерно с Эйфелеву башню, не испытывая при этом, казалось, никаких неудобств. Всем своим видом она излуча-

ла открытость, креативность и что-то еще не менее трендовое. Одним словом, от прочих полубогемных подруг Вована Агния отличалась примерно ничем.

– Приве-ет, – в той же тональности откликнулся Вован.

Агния протянула через турникет две белые карточки с приклеенными скотчем надписями «гость».

Вероника и Вован по очереди приложили карточки к считывающему окошку. Пройдя через турникет, Вован обнял Агнию, они нежно прикоснулись друг к другу щеками.

– Знакомься, Агния. Это Вероника. Моя коллега.

– Очень приятно. – Агния улыбнулась. – Идемте. Простите, что задержалась, у нас такое творится! Форменный дурдом. Сегодня очень ответственная съемка, а Федор, как всегда, опаздывает. Вот только что приехал, только-только на грим посадили, представляешь? Всего двадцать минут до начала! – она обращалась к Вовану.

Тот понимающе покачал головой:

– Кошмар.

– Да не то слово! Но вы не волнуйтесь, – теперь Агния обращалась к Веронике, – Володя меня предупредил, я постараюсь провести вас к Федору. У него много поклонников. Он ломается, конечно; характер – сами понимаете, звезда есть звезда, но обычно все-таки соглашается дать автограф. В общем, я постараюсь выбрать момент.

– Спасибо, – проговорила Вероника, попытавшись стереть с лица кислую мину.

Не разочаровывать же Агнию, которой, похоже, и впрямь пришлось здорово напрячься для того, чтобы провести их с Вованом на съемки, сообщением о том, что ей-то самой Федор не встрял ни в какое место. И если бы не мама, ноги б ее тут не было. Сегодня, между прочим, в любимом клубе концерт любимой группы! А ей придется три часа таращиться на этого индюка, а потом еще ждать, пока у его величества найдется время дать автограф.

– И часто у вас так? – сочувственно поддержал Агнию Вован.

Является Агния его текущей девушкой, бывшей или будущей, Вероника не запомнила. В его случае статус девушки не имел значения, Вован ухитрялся поддерживать со всеми своими пассиями одинаково ровные и теплые отношения. Вероника поначалу только диву давалась, как ему это удастся. А потом решила, что, поскольку девушки похожи друг на друга, словно капли воды, Вован, вероятно, попросту воспринимает их всех, как одну. И бросила об этом думать.

Агния всплеснула руками:

– Ох, да постоянно! Ты же понимаешь.

Вован изобразил лицом понимание. Погладил Агнию по плечу.

– Но сегодня, конечно, вовсе сущий ад, – продолжила Агния.

Они успели подняться на лифте на четвертый этаж и шли по широкому коридору мимо закрытых и открытых дверей.

В двери вбегали и выбегали люди, откуда-то тянуло ароматизированным табачным дымом. Кто-то проносился молча, кто-то на ходу здоровался с Агнией. Кто-то что-то куда-то тащил, дядька в рабочей спецовке с логотипом телеканала на спине ползал на коленях по полу, раскладывая какие-то провода.

Агния ловко обогнула дядьку и остановилась возле распахнутой настежь двери:

– Нам сюда. Заходите.

Вероника почему-то была уверена, что студия окажется похожей на театральный зал: в глубине помещения – сцена, остальное пространство заполнено зрителями. По крайней мере, когда она смотрела шоу по телевизору, впечатление создавалось именно такое.

На самом деле больше всего «павильон» (именно так это правильно называлось) напоминал огромный сарай с высоким потолком.

С потолка свисали провода, камеры, осветительные приборы и черт знает что еще. Стены были уставлены металлическими лесами, устремленными ввысь и тонущими в полумраке. В помещении вообще оказалось темно, что, на взгляд Вероники, еще больше усиливало сходство «павильона» с сараем.

Освещалась единственная часть: та, где с минуты на минуту должно было начаться шоу, Вероника узнала ее по нарядному столу для готовых блюд. Стол был установлен на невысоком подиуме, фон создавали щиты с логотипом шоу. К одному из щитов был прикреплен экран.

– Аккуратней! – Вован подхватил за локоть Веронику, споткнувшуюся о толстый кабель. – Смотри под ноги, тут кругом провода.

– Вижу, – прошипела Вероника.

Провода были действительно повсюду. Тянулись под ногами, свисали со стен, лесов и потолка.

Ну и никакого зрительного зала в помине не было. Вместо него Вероника увидела небольшой загончик в несколько рядов, декорированный бутафорскими перилами и аркой. Загончик был рассчитан человек на пятьдесят. Камеры их потом размножают, что ли? По телевизору казалось, что тут сотни людей.

– Вов, а Вов, – позвала Вероника. Она задумчиво смотрела на арку из гипсокартона.

– У?

– А это на всех шоу – вот так?

– Как?

– Ну... – Вероника не сразу подобрала слово, – ... убого? Это меня, получается, все детство того... обманывают?

– Хренасе, «убого», – удивился Вован. – Да тут одних операторов работает знаешь сколько? А знаешь, сколько стоит камера вот на таком кране? – Вован показал огромную конструкцию из железных палок с маленькой камерой на конце. – А микрофоны?.. «Короли» – дорогое шоу.

Вероника недоуменно пожала плечами.

– Вы присаживайтесь, – предложила Агния, – вон там есть места, – и повела их к загончику для зрителей.

Эта часть павильона то ярко освещалась, то снова тонула в полумраке. Крупная женщина с микрофоном в руке выкри-

кивала команды.

– Режиссер программы, – шепотом пояснила Агния. – Пока свет устанавливают, объясняет зрителям, как себя вести. Скоро начнется съемка.

Почти все кресла были заняты, Веронике и Вовану достались места с краю, в самом дальнем ряду. Вован галантно пододвинул для Вероники кресло. Заботливо спросил:

– Нормально? Хорошо видно?

– Прекрасно, – вздохнула Вероника, с тоской подумав о том, что шоу еще даже не началось. А съемки, по словам Агнии, займут не меньше трех-четырёх часов.

«Сегодня самый ответственный день, – рассказывала Агния по дороге, – финал! На кастинге и битвах зрителей обычно нет, так что вам очень повезло».

«На битвах?» – переспросила Вероника.

Агния снисходительно улыбнулась.

«То, что показывают по телевизору несколько месяцев, на самом деле снимают за три дня. Ну, в крайнем случае за четыре, если много неудачных дублей. В первый день снимают кастинг – это отборочный этап, на котором участники представляются сами и представляют свои блюда. Ой, вы бы видели, что творится! Такие кадры иногда попадаются, такое несут! Стихи читают, поют, пляшут, только что на головах не ходят. Одна дама даже стриптиз показывала. Только это при монтаже вырезали, конечно».

«То есть посмотреть – посмотрели?» – заинтересовалась

Вероника.

Агния хихикнула и замахала ладошкой:

«Ой, да вы бы видели эту стриптизершу!»

«„Короли вкуса“ – шоу, Вероника, – объяснил Вован. – А на любом шоу нужно правильно себя подать, преподнести зрителям. Сделать так, чтобы тебя запомнили».

«Да-да, – кивнула Агния, – я об этом и говорю. Извращаются, как могут. В этом сезоне настоящий транс участвовал, представляете? До финала не дошел, правда, выгнали».

«Транс?» – переспросила Вероника.

«Ну, трансвестит. А что?» – Агния снова хихикнула.

«Я почему-то думала, что это шоу поваров, – буркнула Вероника. – И главное тут – хорошо готовить».

«Вероник, ты как ребенок, честное слово. – Вован снисходительно потрепал ее по плечу. – Хорошо готовить – понятно, но зрители ведь то, что ты приготовил, не попробуют. Зрителей нужно развлекать. Иначе рейтинг проекта рухнет – и привет. Продолжать шоу никто не будет. Участников об этом предупреждают в открытую, вот они и стараются кто во что горазд. Не исключая, что транс был подсадной, кстати. Я слышал, что так тоже делают – приглашают актеров, чтобы создавали движуху».

Агния пожала плечами:

«Может быть... Так вот, на кастинге шеф пробует блюда и решает, кто из участников пройдет дальше. По телевизору это – восемь еженедельных выпусков, а на самом деле съем-

ка длится всего один день. Потом день или два участники отдыхают, потом снимают то, как они готовят командами, а шеф выбирает – чье блюдо больше понравится. По результатам каждой битвы из каждой команды отсеивают по одному участнику. Ой, что в эти дни на кухнях творится, вы бы видели! Продукты друг у друга таскают, кастрюли, сковородки, только что не ножами кидаются. В прошлую битву одна дама другую разделочной доской по голове огрела».

«Повезло даме, – заметила Вероника. – Могла бы мясорубкой огреть. Или теркой шваркнуть».

Агния укоризненно покосилась на нее и закончила:

«В общем, после этого этапа остаются только три финалиста. Они спокойно уезжают по домам, выпускники монтируют, ставят в эфир. И финал снимают уже через несколько месяцев. Вот как сегодня. Почему и говорю: вам повезло. Следующая такая съемка будет только в конце нового сезона. Если, конечно, будет новый сезон».

«А он разве под вопросом?» – удивился Вован.

«Да вряд ли, рейтинг у проекта высокий. Но мало ли, все может быть».

«А долго будут снимать?» – вмешалась Вероника.

«Как пойдет. Обычно часа четыре, не меньше».

Вероника на всякий случай прикусила язык. И в сотый раз напомнила себе, что уж Агния в пристрастиях ее мамы точно не виновата.

Она сидела в кресле и с тоской ждала начала шоу.

А перед зрителями жестикулировала женщина с микрофоном. Долго и занудно, словно обращаясь к законченным дебилам, рассказывала, по какой команде следует аплодировать, а по какой – прекращать аплодировать. Наказала не лезть в камеры, не махать в объектив ручкой, не слать воздушные поцелуи и не передавать приветы родным и близким.

После чего началась репетиция.

«Аплодисменты!.. Стоп!.. Мужчина, вы не расслышали? Я же сказала – стоп! Еще раз!.. Аплодисменты!»

Над головами ездили камеры на этих самых «кранах», в глаза светили прожекторы. Казалось, что с каждой минутой вокруг становится все жарче.

– Кошмар какой-то, – прошептала Вероника на ухо Вовану. – Озвереешь, блин... А в кино сниматься – еще хуже, да?

– Рядом не стояло, – фыркнул Вован. – Актерский труд – очень тяжелый и неблагодарный. Сто потов сойдет, пока одну сцену снимут.

Вероника едва ли не впервые в жизни посмотрела на Вована с уважением. А женщина-режиссер, после примерно десятого прогона, наконец удовлетворилась звучанием аплодисментов. Скомандовала:

– Все. Начинаем!

По щитам побежали огоньки, зрители заученно зааплодировали. А на подиум вышел человек, из-за которого Вероника считала свой сегодняшний вечер похороненным заживо.

Теперь, к изумлению Вероники, аплодисменты грянули и впрямь от души. Видимо, далеко не все пришли сюда, по-винуясь дочернему долгу. Кому-то этот упырь и правда нравился.

Выглядел Федор Ильичев... ну, в общем-то, как Федор Ильичев. Разве что ростом поменьше (по телику он казался огромным), а в боках пошире. Ну, и возраст. Вероника почему-то считала, что Ильичеву около сорока. Сейчас подумала, что, пожалуй, за пятьдесят.

Главная звезда шоу, бодро отпуская сочиненные сценаристами шутки, поздоровался со зрителями. Напомнил, ради чего они здесь собрались, и предложил оглянуться назад – посмотреть, с чего все начиналось. После этого на экране за его спиной запустили нарезку из предыдущих выпусков, про каждого участника, добравшегося до финала.

На подиум поочередно вышли и встали у стола рядом с Ильичевым двое мужчин и женщина.

Имен Вероника не запомнила. Одного из мужиков, постарше, про себя окрестила Живчиком. Он ни секунды не стоял без движения: вертел головой, всплескивал руками, аплодировал по поводу и без, только что не подпрыгивал на месте. Второго, парня своего возраста, Вероника назвала Красавчиком – за приятное лицо, обаятельную улыбку и атлетическую фигуру, очертания которой угадывались даже под белым поварским халатом. А женщина получила прозвище Леопардиха – за копну иссиня-черных волос, макияж

в стиле *femme fatale*, пышность форм и жгучий взгляд густо подведенных глаз. Вероника решила, что такая женщина просто обязана обожать лосины леопардовой расцветки.

Ролики об участниках она смотрела, стараясь не зевать. От нечего делать достала смартфон, зашла на сайт телеканала и изучила рейтинги. Была уверена, что лидирует Красавчик, но с удивлением обнаружила, что Леопардиха от него почти не отстает. Шоу, как ни странно, смотрели не только женщины.

Ба-амм!

Успевшая переключиться на прохождение теста «определите ваш внутренний возраст» Вероника подпрыгнула на месте. Оказалось, что ничего страшного не произошло: на подиуме ударили в гонг. Начинался основной этап, соревнования финалистов.

Состязались они, насколько поняла Вероника, в кондитерском искусстве. Первым свое творение представлял Живчик.

На экране снова запустили ролик: Живчик месит тесто; с загадочным лицом что-то в него добавляет; орет на Красавчика за то, что угнал у него миксер, – Красавчик, держа в руках этот самый миксер и непринужденно улыбаясь, делает вид, что глух от рождения; и, наконец, торжественно ставит в духовку противень.

Пирожные, выложенные на большое блюдо, Живчик под аплодисменты зала вынес откуда-то из темноты и поста-

вил на стол перед Ильичевым. На экране блюдо показывали крупным планом, и Вероника невольно сглотнула – выглядели пирожные более чем аппетитно. Изящные башенки из бисквита и белоснежного крема, политые сверху шоколадом, украшенные спелыми ягодами малины, черники и зелеными листиками мяты. Смотрелось это просто изумительно, Вероника взглянула на Живчика с восхищением. Такие пирожные не есть надо, а на выставку отправлять. Если это еще и вкусно, то на месте Ильичева она не задумываясь отдала бы Живчику первое место.

Вероника тихонько толкнула Вована.

– Слушай, Вов. А этот проглот целое блюдо пирожных сожрать ведь не сможет, да?

Вован гыгыкнул:

– Рано или поздно все об этом задумываются... Нет, конечно. Ильичев одно-то не съест. Попробует кусочек, остальное унесут. Без понятия, кто эту красоту доедает, – опередил он следующий вопрос Вероники. – Все хочу спросить у Агнии, но забываю.

Вероника вздохнула.

Ильичев между тем с помощью ножа и небольшой двузубой вилки отрезал кусочек пирожного. Отправил в рот.

Участники, стоящие у стола, и зрители в загончике замерли. Вероника поймала себя на том, что тоже замерла.

– Неоднозначно, – после долгой театральной паузы обронил кондитерский гуру.

Снова занес над пирожным нож и вилочку. Постоял в раздумьях и бросил приборы на стол.

Приказал, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Унесите.

Невозмутимо взял со стола чайную чашку и отпил из нее чая.

Человек в костюме официанта унес блюдо. Живчик схватился за сердце. Леопардиха фыркнула, Красавчик придвинулся к Живчику и забормотал на ухо что-то утешительное. Кажется, товарищу он искренне сопереживал; Вероника подумала, что Красавчик ей, пожалуй, нравится – в отличие от Леопардихи.

– Все, да? – спросила она у Вована. – Он не прошел дальше?

– Ой, ну что вы! – К ним повернулась женщина, сидящая впереди. – Это же Федор Владимирович! – Имя Ильичева она произнесла с благоговением. – Он такой артист, у него никогда не угадаешь! Всегда в последний момент все решает. Может, он попробует следующее блюдо и потребует, чтобы пирожные принесли обратно. А может, и правда о них не вспомнит. Мы с мужем много раз пытались угадать, но тут не предскажешь.

«Да уж», – мысленно фыркнула Вероника. Поди знай, чего там ильичевская левая пятка пожелает. Спортивные соревнования все-таки намного честнее. И судья там не единственный. А здесь, получается, от мастерства участников во-

обще ничего не зависит.

Она почему-то была уверена, что пирожные великолепны. И Живчика, который потратил на их создание хрен знает сколько времени, а сейчас убежал с подиума едва не рыдая, было жалко до смерти. Ему ведь этот гад даже не сказал ничего!

«Унесите» – и все. И мучайся теперь... Кошмар.

«Чтоб ты этим тортом подавился, козлина безрогий», – думала Вероника, глядя на то, как под демонстрируемый на экране следующий ролик Леопардиха вносит на блюде торт в виде снеговика.

Снеговик держал в руке шоколадную метлу и глядел на зрителей блестящими карамельными глазами. Нарисованные на белоснежной физиономии смущенная улыбка и румянец щек показались до того милыми, что Вероника снова невольно восхитилась. Снеговик как будто очень хотел, но в то же время страшно стеснялся понравиться зрителям. «Лапушка какая, – пронеслось в голове у Вероники. – Вот уж не подумала бы, что Леопардиха может такое чудо сотворить!»

Кажется, она начала понимать, почему мама смотрит это шоу. В свои творения повара вкладывали если не всю душу, то очень большую ее часть.

«А этот индюк сейчас опять попробует и скажет: „Унесите!“ Да чтоб у тебя с этих тортов понос начался! Тогда и автограф просить не придется».

Ильичев бесил Веронику чем дальше, тем больше. Она

вдруг очень ярко представила, как подходит к нему за автографом, он смотрит на нее своим мерзким взглядом – вскользь, будто на пустое место, – а она протягивает ему выданный мамой блокнот. Даже не блокнот – записную книжку в кожаном переплете, мама хранила ее с юности.

Телефонные номера, по которым уже много лет никто не смог бы дозвониться, стихи, цитаты из книг. Все выписано твердым, красивым маминым почерком, на всю книжку – ни единой пометки. А она протянет эту книжку Ильичеву, который, возможно, руки-то не вытер после того, как попробовал очередное небрежно забракованное произведение искусства. И скажет что-нибудь вроде: «Ну?..»

Тут-то Вероника ему и выдаст. И «гну», и еще много разного... Она вдруг так ярко представила себе эту сцену, что уже была готова вскочить со словами: «Да подавись ты своим автографом!»

То, что Ильичев ни с того ни с сего действительно начал давиться, поняла не сразу.

А он и правда подавился. Хотя снеговика попробовать не успел, только вырезал из основания кусочек на пробу. Поднес вилку ко рту – и закашлялся. Сначала – явно пытаюсь сдержаться, потом все сильнее, потом бросил нож и вилку. Схватился за горло.

Кашель стал натужным, перешел в хрип. Ильичев уже не кашлял – задыхался. Глаза выкатились из орбит, потекли слезы. Ильичев попятился, силясь устоять на ногах...

Все происходило в полной тишине. Похлопать звезду по спине, предложить воды, элементарно спросить: «Что с вами?» – как будто никто не решался. Ильичев задыхался, багровел, пытался выкрикнуть что-то – но так и не сумел. Упал.

И больше не двигался.

Первой очнулась женщина-режиссер. Рывкнув: «Стоп!», бросилась к упавшему.

– Федор Владимирович! – попыталась похлопать Ильичева по щекам. Но, видимо, никакого эффекта не добилась и скомандовала: – Врача! Срочно!

И вот тут поднялся настоящий переполох – как будто командой позвать врача женщина сорвала стоп-кран. На подиум хлынул и персонал студии, и зрители из зала.

– Он дышит? – спросила Вероника.

Они с Вованом сидели пусть и высоко, зато с краю, проталкиваясь сквозь толпу не пришлось. Вероника оказалась рядом с Ильичевым и стоящей возле него на коленях женщиной-режиссером одной из первых.

Пройти курсы оказания первой помощи Тимофей заставил Веронику еще после дела Сигнальщика¹. Именно тогда он принял решение, что теперь они будут расследовать не только дела, убранные в архив, но и свежие. К новой для себя деятельности Тимофей готовился обстоятельно – как делал всё и всегда. Сам закопался в справочники, учебники и статьи по современной криминалистике, а Веронику отправил

¹ Сигнальщик – персонаж романа В. Кристонова и М. Бачуровой «Сигнал из прошлого» (АСТ, 2023).

на курсы самообороны и оказания первой помощи.

– То есть сам ты самообороняться не планируешь?! – попробовала тогда возмутиться она. – И первую помощь оказывать тоже? Это мне предстоит не только носиться, как ошпаренной, но еще оборонять тебя и работать медсестрой?

Тимофей спокойно кивнул:

– Я тоже собираюсь освежить кое-какие навыки. Но мне для этого не нужно выходить из дома.

– Интересно, какие?

Что произошло в следующую секунду, Вероника не поняла. Только что Тимофей невозмутимо покачивался в гамаке, а она сидела в его кресле. Через мгновение оказалось, что Вероника лежит на полу на животе, а Тимофей оседлал ее спину и завел руки назад.

– Из такого положения очень удобно, например, свернуть тебе шею, – тем же бесстрастным тоном прокомментировал свои действия он. У него даже дыхание не сбилось от броска. – Или надеть на тебя наручники. В зависимости от ситуации.

После этого Тимофей встал, помог подняться офигевшей Веронике и все так же спокойно улегся обратно в гамак. Вероника села в кресло. Задумчиво потерла запястья. Посмотрела на Тимофея:

– Чего еще я о тебе не знаю?

Тимофей развел руками:

– Все, чего я не рассказывал. По-моему, очевидно.

– Да уж... И давно ты умеешь шеи сворачивать?

– Достаточно.

– А... зачем ты это умеешь?

Тимофей вздохнул. Если бы отказался отвечать, Вероника бы не удивилась – он терпеть не мог разговоры о своем прошлом. Но все же неохотно отозвался:

– Я был слабым, недружелюбным подростком. Эмигрантом с жутким акцентом, делающим ошибки в словах и построении предложений. Сверстники таких, как я, мягко говоря, недолюбливают. А перевести меня на домашнее обучение мама отказалась. Ее психолог считал, что для лучшей социализации мне необходимо посещать школу. В его профессиональных навыках лично я сомневался, но поделаться с этим, разумеется, в то время ничего не мог. Просьбы оставить меня в покое на одноклассников не действовали. Пришлось научиться применять другие методы.

Вероника вытаращила глаза.

– Как тебя в школу-то пускали, с такими «методами»?!

Тимофей улыбнулся:

– В школе было лишь начало пути. Все, чего я хотел тогда, – научиться давать отпор. А потом немного увлекся.

Вероника только головой покачала. Как умеет «увлекаться» Тимофей, она знала не понаслышке.

Дальше роптать не посмела, на курсы по оказанию первой помощи записалась и честно их закончила, даже какой-то сертификат получила. Но применять знания на практике до

сих пор не приходилось.

– Он дышит? – Вероника опустилась на пол рядом с женщиной-режиссером.

«Проверьте, есть ли дыхание», – всплыла в голове вытверженная наизусть строка инструкции. Вероника, как учили на практических занятиях, одной рукой запрокинула голову Ильичева, а другой взяла его за нижнюю челюсть.

«... Если грудная клетка поднимается, а щекой вы ощущаете поток воздуха – дыхание есть». Грудная клетка Ильичева не поднималась. И потока воздуха Вероника тоже, как ни старалась, не чувствовала.

До сих пор она испытывала скорее досаду, чем беспокойство: надо же было Ильичеву выбрать для обморока такой неудачный момент! А вдруг его сейчас в больницу заберут? И попробуй тогда объясни маме, что от нее это ну никак не зависело. А сейчас, когда вдруг поняла, что Ильичев и правда не дышит, Вероника почувствовала, что ей самой стало нехорошо.

Она приложила пальцы к сонной артерии Ильичева, пытаясь нащупать пульс. Уговаривала себя, что ей показалось. Не может такого быть, показалось!.. Но пульса не было. И сердцебиения Вероника не слышала.

– Что с ним? – требовательно спросила женщина-режиссер. Другим тоном она, похоже, разговаривать не умела.

– Об этом лучше спросить у врача, – припомнив наставления Тимофея о том, что в любой непонятной ситуации по-

следнее, что стоит делать, это брать на себя чужие обязательства, поспешно отбрехала Вероника.

Она переместила руки на грудную клетку Ильичева и начала делать непрямой массаж сердца, однако с каждым нажимом все острее понимала каким-то шестым чувством, что толку не будет.

Делать искусственное дыхание и массаж кому-то, кроме манекена на курсах, до сих пор ей не доводилось. Она сосредоточилась на том, чтобы восстановить в памяти порядок действий, предписанный инструкцией. Когда жизнь превращается в хаос, четкая инструкция – это то, что помогает тебе не скатиться в истерику.

– А вы что, не врач?! – возмутилась женщина. – А для чего вы тогда к нему полезли? Сделайте что-нибудь!

– Пытаюсь, – огрызнулась Вероника. – У меня есть сертификат об окончании курсов медицинской помощи. В данном случае это лучше, чем ничего. Дайте салфетку или чистый платок!

Кто-то сунул ей какую-то тряпицу. Вероника накрыла ею приоткрытый рот Ильичева и, глубоко вдохнув, наклонилась, чтобы поцеловать «спящего красавца». Ильичев не подавал признаков жизни.

Вероника вернулась к непрямому массажу сердца. Краем сознания отметила, что в павильоне сделалось тихо. Наверняка все сейчас молча смотрят на нее, как на шамана, исполняющего обряд.

Искусственное дыхание, непрямой массаж сердца, искусственное дыхание... Сколько прошло времени? Кажется, безумно много. Вдруг Вероника обнаружила, что просто сидит на коленях рядом с неподвижным Ильичевым.

– Что?! – тормошила ее женщина-режиссер. – Он дышит?

– Нет, – сказала Вероника.

– Так что же вы?..

Вероника посмотрела ей в глаза и медленно, отдельно произнесла:

– У него нет ни дыхания, ни сердцебиения уже минут десять. Теперь уже никто ничего не сможет сделать.

– Мама меня убьет, – пробормотала Вероника, глядя, как сотрудники скорой укладывают тело Ильичева на носилки. – Вот тети-Лидина Юленька – та, конечно, наизнанку бы вывернулась, но сперва взяла бы у Ильичева автограф! И уж только потом позволила откинуться. А я – как всегда. – Она обреченно вздохнула.

– Если хочешь, можем вместе поехать к твоей маме, – предложил Вован.

При всех своих особенностях, другом он был отличным. Пару раз, когда возникала необходимость продемонстрировать маме наличие у Вероники личной жизни, ездил вместе с ней в Энск, где честно отыгрывал роль «молодого человека».

– Я подтверждаю, что ты пыталась взять автограф. Ты же не виновата, что он умер – мало ли, чем болел.

Вероника пожала плечами.

– Сердце, наверное. Инсульт или инфаркт... Хотя странно. От сердца вроде не задыхаются.

– Никакое это не сердце! – Вероника и Вован вздрогнули от неожиданности – не заметили, как сзади подошла Агния. – Врач велел полицию вызывать.

– Полицию?

– Ага, – кивнула Агния. – Врач сказал, что он не эксперт,

но налицо все признаки отравления. Ильичев то ли съел что-то несвежее, то ли выпил, а в таких случаях положено вызывать полицию. Уходите, а то потащат в свидетели, до утра отсюда не выберетесь. У нас как-то было, что у певца одного, которого на интервью пригласили, айфон украли – новый, последней модели, – так часов шесть никого из студии не выпускали. Пока все обыскали, да пока всех опросили...

– Нашли? – заинтересовался Вован.

Агния мотнула головой:

– Не-а. Говорю же, только время зря потеряете... Идемте, я вас через задний ход проведу. – Она решительно ухватила Вована под руку.

Вероника оглянулась на сцену. Врач со скорой, присев к столу, с которого так и не убрали торт в виде снеговика, с непроницаемым видом заполнял какие-то бумаги. Второй мужчина в синей форме говорил по телефону. Карамельные глаза снеговика смотрели в опустевший загончик, где не осталось ни одного зрителя, печально и растерянно.

– Это медбрат. Полицию вызывает, – кивнула Агния на мужчину в форме. – Я же говорю.

– Идем, Вероника, – поторопил Вован.

Вероника позволила себя увести. Уходить почему-то не хотелось, но, объективно, в павильоне ей было делать нечего. Не присоединяться же к людям, пытающимся украдкой сфотографировать лежащего на полу Ильичева, Веронику от такого с души воротило. Она готова была спорить на послед-

ние деньги, что сенсационная новость о смерти звезды уже вовсю гуляет по Сети.

Вероника посмотрела на часы. Теоретически на концерт она еще успевала. Оставалось понять, чего больше хочется: в клуб или к Тимофею, рассказать о том, как бездарно провалилась попытка взять автограф. Все-таки Тиша есть Тиша. Сейчас как нырнет в Сеть! Как начнет с бешеной скоростью перебирать вкладки – интервью Ильичева, его соцстраницы, слухи, сплетни, домыслы – и за то время, что Вероника вскипятит чайник, поставит звезде диагноз. Причину смерти определит быстрее, чем любые эксперты...

Агния, как и обещала, отвела их к служебному лифту. Сказала, что нужно спуститься на первый этаж, а дальше уж они не заблудятся – выход там единственный, ведущий на служебную парковку. После чего распрощалась и убежала.

Вероника с Вованом спустились вниз и нужную дверь действительно отыскивали без труда. Вышли на улицу, в душный августовский вечер.

– ...не знаю, малыш, – прозвучало вдруг возле самого уха Вероники.

Рядом со служебным входом, под табличкой с перечеркнутой сигаретой стоял полный, невысокий мужчина. Он был одет в джинсы и насквозь пропотевшую футболку с изображенным на груди штурмовиком из «Звездных войн». Мужчина отчаянно жестикулировал зажатой между пальцами сигаретой (Вероника почему-то подумала, что уже не первой)

и нервно стряхивал пепел в высокую хромированную урну. Без поварского колпака и белого халата Вероника не сразу узнала Живчика.

– ...в общем, ничего пока не знаю, – закончил фразу он. На вышедших из дверей Веронику и Вована глянул мельком и тут же отвернулся, перестал обращать на них внимание. – Не ожидал, конечно. Не ожидал...

Вован, оказавшись на улице, достал из кармана айкос. От табака он уже пару лет как отказался.

Вероника вздохнула: придется ждать. Сюда они приехали на машине Вована, и она рассчитывала, что он подбросит ее до метро. А на ходу Вован не курил. Уверял, что это вредно для здоровья, но Вероника считала, что причина в другом: Вован попросту не умеет делать два дела одновременно. Пришлось топтаться рядом. А заодно волей-неволей слушать разговор Живчика.

– Что-что, говоришь? – переспросил тот. – А-а, ну это да-а! Федор – та еще тварь, конечно. Хлебом не корми, дай над людьми поиздеваться. Ему, понятное дело, рейтинг, а мне – каково? Ну да ладно. – Живчик вдруг злорадно рассмеялся. – Еще попляшет у меня этот ублюдок! Ох, попляшет. Думает, небось, что я такой же червяк, как Олежек или эта корова сисястая! А вот хрен там...

«Олежек – это, наверное, Олег Корсаков», – вспомнила Вероника имя Красавчика. А «корова сисястая» – Леопардиха. Как он ласково о коллегах, надо же! А на общих фото-

графиях да на камеру – лыбится, небось... Фу, какой мерзкий. Понятно, конечно, что конкуренция, но все равно. Олележ, кстати, вряд ли себя так ведет, у того по лицу видно, что порядочный парень.

Слушать Живчика показалось еще более отвратительным, чем наблюдать за людьми, которые фотографировали мертвого Ильичева.

Вероника с нетерпением ждала, пока Вован закончит дымить айкосом и они наконец пойдут к машине. От Живчика сердито отвернулась. И натолкнулась взглядом на выскочившую из дверей служебного входа девушку.

Здесь вообще оказалось разве что чуть менеелюдно, чем у главного входа, народ так и сновал туда-сюда. Девушка привлекла внимание Вероники бледным лицом и отчаянным видом. Она прижимала к уху телефон, но не разговаривала, явно пыталась кому-то дозвониться.

– Ну же! – услышала Вероника. – Ну возьми ты трубку!

Но трубку, видимо, не брали. Девушка, подождав, сбросила звонок – и тут же набрала номер снова.

«С парнем поругалась, – сочувственно подумала Вероника. – Или с мамой». Девушка была одета так, как обычно одевается персонал в парикмахерских и салонах красоты: поверх платья – фартук с большими накладными карманами, на ногах удобные босоножки без каблука. К фартуку сбоку были прицеплены зажимы для волос, а из кармана торчала расческа.

Таращиться на девушку, которая как выскочила, так и застыла у входа, было неприлично. Но с другой стороны продолжал разоряться Живчик, грозя кому-то страшными карами.

– ...в общем, заплатит мне этот кретин, – услышала Вероника. – За все заплатит! Тоже мне, звезда.

Прозвучало это еще злораднее, чем раньше. И в этот момент в голове у Вероники что-то щелкнуло. Слово «звезда» состыковалось с фамилией «Ильичев». Мелькнуло недавнее воспоминание: перекошенное рыжебородое лицо, выпученные глаза и отчаянный хрип. Предсмертный...

Вероника вцепилась обеими руками в плечо Вована.

– Ты чего? – удивился он.

– Стой тут, – чуть слышно, стараясь не привлечь внимание Живчика, выдавила Вероника. – Вот с этого, – кивнула на Живчика, – глаз не спускай, понял?!

– Угу, – осторожно сказал Вован. И попробовал отцепить от рукава своей дизайнерской рубашки Вероникины пальцы. – А что случилось-то?

– Пока не знаю... Главное, не упускай его! Попытается сбежать – сразу же звони мне. Понял?

– Угу. А зачем ему пытаться?

Но дальше Вероника не слушала. Она, мысленно вознося молитвы божеству, покровительствующему безопасности Агнии, которая даже не подумала забрать у нее и Вована пропуска, бросилась к служебному входу.

Страшное подозрение необходимо было срочно проверить.

Пока Вероника поднималась на лифте (казалось, что он ползет бесконечно долго, пешком на четвертый этаж добежала бы гораздо быстрее, но понятия не имела, где тут лестница), вспоминала все, сказанное Живчиком. И слова его пугали чем дальше, тем больше.

«Не ожидал...»

«Федор – та еще тварь...»

«Думает, небось, что я такой же червяк, как Олежек...»

Трех минут, проведенных в лифте, хватило, чтобы укрепиться в подозрениях. Выйдя из лифта и направляясь к нужному павильону (Вероника от души надеялась, что дорогу запомнила правильно), она позвонила Вовану.

– Ну, как он там?

– Кто? – удивился Вован.

– Конь в пальто! – взвыла Вероника. Никак не могла привыкнуть к тому, что тупизна Вована имеет свойство в ситуациях, когда тупить нельзя, расцветать особенно пышным цветом. – Этот, с шоу! Рядом с тобой стоит.

– А он разве с шоу? – удивился Вован. – О, надо же! Точно. Как ты разглядела-то? Я его без колпака не узнал...

– Не таращся там, – цыкнула Вероника. – Спугнешь. Как он?

– Ой, да просто кошмар!

– Что-о?! – Вероника аж остановилась. – Что случилось? Он сбежал? Беги за ним, быстро!

– Почему – сбежал? – изумился Вован. – У него грим потек. Ужас натуральный, ты бы видела! Впрочем, неудивительно, при такой-то жаре. Не надо было ему из здания выходить, там кондиционеры.

Перед тем как ответить, Вероника заставила себя мысленно сосчитать до пяти. Аутотренинг, который Тимофей посоветовал ей освоить специально для общения с Вованом.

– Стой там, – процедила она, – и глаз с него не спускай. Если попробует сбежать, беги за ним и вызывай полицию! И звони мне.

– Хорошо. А что...

– Все, Вов. До связи, – Вероника сбросила звонок.

Она уже подходила к нужной двери. И увидела, что с другой стороны коридора к этой же двери приближаются два мужика в полицейской форме. Рядом с ними цокала каблуками Агния – она, если Вероника правильно поняла, выполняла в студии обязанности «подай-принеси». Сейчас вот, судя по всему, женщина-режиссер отправила Агнию встречать полицейских.

«Надо же, как быстро приехали, – удивилась про себя Вероника. – А говорят еще, что полицию у нас не дозовешься!»

Хорошо это или плохо, что полицейские уже здесь, она пока не определилась. С одной стороны, хорошо: сбежать у

Живчика не получится. А с другой стороны, опыт общения Вероники с представителями власти, хоть был не очень богатым, уверенно подсказывал: посторонних эти дядьки тут не потерпят. И выслушивать странные предположения какой-то левой девицы не станут. Уж до тех пор, пока все не облазят и не составят протокол, точно. А значит, проверять свое предположение – в котором, кстати, она сама-то до конца не уверена, – надо как можно скорее.

Вероника дождалась, пока сопровождаемые щебетом Агнии полицейские войдут в павильон. Сама на цыпочках прокралась следом. Для того чтобы, как и ожидала, услышать уверенную команду:

– Посторонние, покиньте помещение!

Полицейский, который командовал, чем-то напомнил Веронике лейтенанта Никитина из Смоленска – хотя был постарше и поплотнее на вид. Впрочем, времени на то, чтобы долго его разглядывать, не было.

Воспользовавшись поднявшейся суетой и разбирательствами в духе: «Вы сотрудник студии? Да?.. Предъявите документы. А вы?.. Не сотрудник? В таком случае покиньте помещение», Вероника тихонько проскользнула туда, куда стремилась, – за перегородку, отделявшую место проведения шоу от кухни, где готовили блюда.

Прежде ей в таких местах бывать не доводилось. На подруг, мечтающих стать актрисами, Вероника и в детстве-то смотрела с недоумением, а уж после знакомства с Вованом,

после его рассказов о чудесах, творящихся на съемочных площадках и за театральными кулисами, утратила последние иллюзии относительно «фабрики грез». Но по сторонам оглядывалась с интересом.

Думала почему-то, что здесь будет тесно, но пространство за перегородкой оказалось едва ли не больше, чем то, где снимали шоу. Это было такое же полутемное помещение, уставленное лесами и оплетенное проводами. И центр этого пространства занимала кухня. То есть все, что потом показывали по телевизору, действительно готовили прямо здесь – хотя Веронике почему-то казалось, что это должно происходить в другом месте.

Кухню она видела в шоу мельком, особо не присматривалась, но сразу ее узнала. По нарядным, ультрасовременным позитивно-оранжевым шкафчикам и длиннющим разделочным столам.

Холодильники, духовые шкафы, гигантская вытяжка над варочной поверхностью и серебристые столешницы, уставленные посудой и кухонными приборами, – все в точности такое, как по телевизору.

Неожиданностью оказалось то, что в кухне было только три стены. Четвертая отсутствовала – проем, в котором она могла бы находиться, занимали камеры, осветительные приборы, раскладные стулья и прочее киносъемочное добро, названий которому Вероника не знала. Второй неожиданностью оказалось то, что длинные горизонтальные окна в сте-

нах кухни, которые на экране выглядели зеркалами, тоже прятали позади себя камеры. То есть происходящее в кухне снимали со всех возможных ракурсов.

Сейчас кухня была пуста. Ни Красавчика, ни Леопардиху Вероника не увидела. Возле камер тоже никого не было, и даже свет показался приглушенным. Ну, логично, в общем-то: тут, на кухне, съемки закончились. Сейчас действие переместилось на другую сторону перегородки. И Вероника оказалась здесь с целью совершенно конкретной.

Улика! Вот что ей нужно, чтобы заставить полицейских обратить на себя внимание. Оглядевшись по сторонам и никого не увидев, Вероника прошла мимо камер и оказалась в кухне.

Посреди помещения стоял большой стол, на нем лежала круглая дощечка, а в дощечку были воткнуты длинные деревянные шпажки, унизанные крошечными пирожными. Пять шпажек: с белоснежными, розовыми, кофейными, лимонными и светло-зелеными произведениями кондитерского искусства. «Творение Олега Корсакова», – поняла Вероника. Которое Ильичев не только не попробовал, но даже увидеть не успел.

А выглядели пирожные восхитительно. И никаких сомнений в том, что на вкус они тоже бесподобны, у Вероники не было. Она с трудом заставила себя вспомнить, зачем вообще сюда пришла...

Так, сосредоточиться! Если эти пирожные здесь, значит,

должны быть и другие. Те, которые приготовил Живчик... Вероника беспомощно огляделась по сторонам.

Это была профессиональная кухня, а не коммунальный бардак в студенческой общаге. Здесь, несмотря на то, что трудилось аж несколько поваров, царил порядок. Не то место, где что-то может затеряться.

Сердце быстро и нехорошо забилося. Как множество раз было тогда, в деле Сигнальщика: ощущение, что рядом с тобой – убийца, человек, который перешагнул черту. И больше того – остановить его можешь только ты. Странное ощущение – пугающее, но в то же время будоражащее.

– О, привет еще раз, ты чего тут? – послышался удивленный голос Агнии. Она тоже зачем-то пришла на кухню.

– Где пирожные? – спросила Вероника.

– А? – Агния даже не повернула головы на вопрос. Она тут была по своим делам и на Веронику перестала обращать внимание сразу после формального приветствия. Рассеянно озиралась по сторонам. – Слушай, там, правда, полиция уже разбирается. Шла бы ты, пока не припахали... Знаешь ведь, как бывает... Им лишь бы сцапать кого, а там уже смотреть будут... На кого можно повесить побольше, на того и повесят...

На этот счет Вероника не парилась. Потраченного времени будет, конечно, жаль, и концерт совершенно точно придется пропустить. Но «повесить» на нее что в голову взбредет у полиции однозначно не выйдет. По крайней мере, до

тех пор, пока на ее стороне работает Тимофей – недавно разжившийся абсолютно легальными адвокатскими корочками.

– А где пирожные, которые приготовил этот... – Вероника осознала, что так и не запомнила имени-фамилии Живчика. – Ну, второй. Не эти, а другие, – указала она на шпажки.

Мысленно взвыла: «Блин, я как будто язык только вчера учить начала!» Но Агния вопрос поняла. Повернулась, в глазах сверкнул интерес:

– Да что вам всем так дались эти пирожные?

Веронике захотелось стукнуть Агнию по голове. Тупостью от Вована заразилась, что ли? Внимание-внимание, британские ученые выявили еще одну болезнь, передающуюся половым путем? Или Агния просто даже представить не могла, чтобы на их стерильной, ультрасовременной и суперпрофессиональной кухне кто-то приготовил смерть? Наверное, все-таки второе.

Агния жила в правильном мире. Море, где наглого, но популярного телеведущего имело бы смысл обложить матом в прямом эфире, но не имело никакого смысла травить. По крайней мере, не так. Не на съемках, не здесь, не в присутствии зрителей. Агния ведь не слышала телефонный разговор Живчика...

– Где?! – зарычала Вероника.

– Да не знаю я! – рявкнула вдруг в ответ Агния. Внезапно оказалось, что огрызаться умеет не хуже Вероники. – Забрал кто-то.

– Кто забрал? – Вероника подскочила к ней и едва сдержалась, чтобы не схватить за плечи и не тряхнуть как следует.

Она вдруг поняла, что ее не только и не столько волнует сейчас улика против Живчика, сколько судьба человека, который унес эти чертовы пирожные. Поняла – и похолодела от нехорошего предчувствия.

– Слушай, да я понятия не имею! Ты что, с ума сошла?! – попятилась Агния. – Уборщицам отдали, наверное, помреж всегда так делает. Она у нас вечно на диете. Ну и вот, чтобы самой не соблазниться и никого из команды не соблазнять, отдает. Иначе мы с этой их кулинарией через месяц в дверь пролезать перестанем. Пару штук всегда оставляют, на случай, если Федору моча в голову ударит или поднять что-то понадобится. А остальное уборщицам отдают. Доходы-то у них – сама понимаешь.

– Понимаю, – процедила Вероника. – И где у вас тут уборщицы?

– Там, – махнула рукой Агния. – Прямо по коридору и направо.

Но устремиться в направлении «там» Вероника не успела.

В кухню, задев плечом камеру, споткнувшись о пучок проводов на полу и выругавшись, вошел тот самый полицейский, похожий на Никитина. Его сопровождал человек в халате, с чемоданчиком. Криминалист, наверное, или как там они называются? У Агнии при виде их глаза округлились совершенно.

– Что это вы, девушки, делаете на месте преступления? – нахмурился следователь.

Но сбить себя с толку Вероника не позволила.

– Место преступления – там, – напомнила она. Указала в сторону перегородки. – А если не хотите, чтобы сюда кто-то заходил, надо было опечатывать. У нас пока еще свободная страна, где хотим, там и ходим.

И быстрым шагом прошла мимо опешившего от такого нахальства следователя. Напряглась, на всякий случай готовая к тому, что он бросится догонять, но мужику, похоже, было чем заняться помимо разборок с наглыми девицами. Он уже отдавал какие-то команды сопровождающему. Вероника услышала, что все отснятые материалы за этот день необходимо изъять в интересах следствия.

Ну и пускай просматривают. Все занятие...

Так. Что там сказала Агния? Прямо по коридору. Направо... Ага, вот. Неприметная дверка с табличкой: «Техперсонал».

Вероника толкнула дверь и оказалась в помещении размером с комнату в общежитии. Ведра, швабры, штабеля туалетной бумаги и полотенец, тележки, чистящие средства.

На стуле, который, судя по виду, был списан со съемочной площадки, сидела одетая в темно-серую форму женщина азиатской наружности. Когда дверь открылась, она отхлебнула чая, да так и замерла с глупым выражением лица.

– Стоять! – Вероника ворвалась внутрь, как ураган. –

Ела?!

Уборщица держала в правой руке знакомое пирожное.

– Чито? – переспросила, не сразу проглотив чай.

– Это – ела?! – рявкнула Вероника, указывая на пирожное.

Только что исполненная решимости, она вдруг поняла, что не хочет, не может к нему прикасаться. От кулинарного шедевра словно бы веяло холодом, и казалось, что одно касание может отнять от жизни пару лет.

На колене у женщины лежала салфетка. Вероника схватила ее и забрала-таки пирожное – почти вырвала из толстых, мясистых пальцев. Положила на бортик мойки.

Женщина что-то неразборчиво забормотала. Вероника села перед ней на корточки, вцепилась взглядом. Раздельно проговорила:

– Ты. Ела. Пирожные?

– Не брала! – замотала головой та.

Ишь ты. Когда надо, все понимает. Мгновенно смекнула, что к чему.

– Я не брала! Наташа давала.

– Стоп. Какая Наташа? Кому давала?

– Наташа. Сменщица. Я пришла, она ушла.

До Вероники дошло, что женщину сейчас больше всего тревожит перспектива получить втык, а то и увольнение за поедание реквизита. Однако первый испуг быстро прошел, и уборщица нахмурилась:

– А вы – кито?

– Конь в пальто! – заорала Вероника. – Наташа – это вторая уборщица, так?

Женщина покивала.

– И где она?

Уборщица хлопала глазами. А у Вероники случился щелчок, вызвавший прозрение. Нечасто, но приходилось ей бывать в подобных помещениях до переезда в Москву. Кто бы ни обитал там – грузчики, уборщики, заводские рабочие, – один элемент практически всегда, так или иначе, присутствовал. И чем выше рангом предприятие, тем больше пользы из него можно было извлечь. Потому что на серьезных предприятиях вопросы должны решаться быстро и эффективно, а не «щас поищем, где-то вроде было».

Вероника встала, крутанулась на каблуках, скользя взглядом по стенам. Ничего, ничего, ничего... Ну вот, конечно, дверь!

К двери скотчем были приклеены два файлика с двумя листами бумаги. Верхний – график. В столбик – имена, в строчку – даты. А ниже – еще один список имен, тех же самых, но с номерами телефонов.

Что-то лопотала уборщица. Вероника, не обращая внимания, бросила ей: «В пирожном яд! Не трогай», – будто мало-го ребенка пугала, а сама начала набирать номер, написанный против имени «Наталья».

Восемь, девять...

– Наташе Софья звонила, не берет, – сказала уборщица,

имя которой тоже наверняка было в списке. Из тех, которые с разбегу не прочтешь, их таких было два. А третья – Наталья.

– Угу. Не берет, только дает, – буркнула Вероника. – Два, семь... Вован, падла! – взвыла она.

Телефон в руке завибрировал, из «шторки» сверху вывалилось уведомление с именем и фотографией звонившего. Вероника потянулась к кнопке сброса, но в последний миг передумала. Вспомнила, что Вован, вообще-то, следит за убийцей. Рывкнула:

– Что?

– Вероника, он уходит.

– Куда уходит? – обалдело спросила Вероника.

– К машине, наверное. Куда же еще.

– Задержи его!

– Как?

– Блин! Как хочешь, найди способ! Это убийца. Ильичев не умер, он убит.

– У... – Вован поперхнулся. – Вероника, ты с ума сошла?

– Вован, твою мать! – взревела Вероника. – Ты же Неон, супергерой! Сделай что-нибудь.

– Но...

Вот теперь – сброс. Вована главное – грамотно замотивировать, тогда он горы свернет. Спойет преступнику, спляшет, «Слово о полку Игореве» расскажет наизусть. На худой конец, заболтает насмерть. Кольнула неприятная мысль, что она заставила друга противостоять убийце... Но ведь это – убийца-отравитель, а не маньяк с ножом! Не наркоман-грабитель на бензоколонке. Успокоив себя так, Вероника набрала номер Наташи до конца и ткнула вызов.

«Аппарат вызываемого...»

– Дерьмо! – рявкнула Вероника.

Бросилась назад, к мойке. Схватила пирожное, стараясь держать его только через салфетку, бросила подозрительный

взгляд на уборщицу, которая так и застыла над кружкой с чаем.

– Больше нет?

– Нету.

– Отрава. Яд. Этот... Ильичев отравился, умер!

– Нету больше. Наташа взяла.

Женщина для убедительности помотала головой и отвернулась. И не понять, врет или нет...

Выскочив из подсобки, Вероника налетела на следователя.

– Девушка. Опять вы?! – нахмурился он. – Что вы тут...

– Вот! – сунула ему под нос пирожное Вероника. – Это то, что Ильичев ел перед смертью. Какая-то Наташа, уборщица, унесла остальные. Ее номер недоступен, нужно узнать адрес и послать кого-нибудь к ней домой! Хотя участкового, чтобы она ни в коем случае не успела их съесть. А убийца, тот, кто отравил пирожные, – внизу, он пытается скрыться!

– А вы кто? – заинтересовался следователь.

– Я работу вашу делаю! – сорвалась на крик Вероника. – Человек может погибнуть, а убийца – сбежать! Может быть, вы хоть немного пошевелитесь?!

Следователь машинально взял у нее пирожное. Хорошо, если так же машинально от него не откусит.

– Задержите его хотя бы! – крикнула Вероника.

Ей было физически больно смотреть на лицо следователя и ощущать, как медленно и не в ту сторону крутятся ше-

стеренки у него в голове. Дверь на лестницу оказалась рядом, Вероника бросилась туда. Понеслась, перепрыгивая через ступеньки. Слабо-слабо брезжила мысль: «А что я буду делать, когда окажусь на парковке?»

Серьезно – что? Врезать этому Живчику? Призвать к ответу? Пообещать кару небесную? Н-да, в плане однозначно присутствуют серьезные пробелы. Начать с того, что и плана-то никакого нет...

Вероника выскочила на улицу, понеслась к парковке и уже издалека с облегчением заметила, что Живчик еще там. Впрочем, облегчение быстро сменилось тревогой, когда послышался удар и после этого – громкий вопль Вована, исполненный поистине шекспировского трагизма.

Вероника прибавила ходу, обогнула несколько автомобилей и замерла, тяжело дыша.

Картина была неоднозначной. Живчик стоял, не то наполовину загрузившись в потрепанный «Логан», не то наполовину выгрузившись из него, и, раскрыв рот, смотрел вперед и вниз. Перед капотом, чуть ли не под колесами, валялся на асфальте Вован, держась за левую лодыжку. Вокруг него сверкали на солнце осколки разбитой фары.

– Меня сбили! – выл Вован. – Наезд на пешехо-о-ода! Лишение пра-ав!

– Да я даже не тронулся! – Живчик пальцем указал на Вована. – Этот псих просто подошел и разбил мне фару, сделайте что-нибудь!

То, что призыв «сделать что-нибудь» относится не к ней, Вероника поняла, как только мимо нее быстрым, уверенным шагом прошел парень в полицейской форме. Не следователь, похожий на Никитина, а другой.

– Руки покажите, пожалуйста, – обратился он к Живчику – с вежливостью, от которой кровь в жилах леденела.

Живчик побледнел, но руки медленно поднял.

– Хорошо, молодец. Давай, вот так.

Вован, почуяв, что ветер задул в правильную сторону, голосить перестал. Полицейский ловко застегнул наручники на запястьях Живчика. Сурово спросил:

– Запрещенные вещества, оружие имеются? Лучше сейчас сдать, добровольно. Зачтется.

– Да нет у меня ничего, вы с ума сошли?! – воскликнул Живчик.

Для убийцы он вел себя чрезвычайно хладнокровно. Безупречно разыгрывал полнейшее недоумение.

– Все так говорят, – вздохнул полицейский. И принялся сноровисто хлопать Живчика по бокам.

К машине подошел запыхавшийся следователь – отстал, видимо, и от Вероники, и от молодого коллеги. Он все еще держал в руке салфетку с пирожным. Слава богу, хоть не надкусанным. Вероника перевела дыхание и спросила:

– Вы нашли Наташу?

– Кого? – бросил на нее короткий взгляд следователь.

– Наташу, уборщицу! – мгновенно вновь закипела Веро-

ника. – Она же отравится, пока вы тут...

– К Наталье Кругловой едет патруль, – отрезал следователь и шагнул вперед, к машине. – Так, а здесь у нас что? Сань?

Опер Саня показал ему мятый пустой пакетик с защелками, извлеченный из кармана Живчика. Внутри явно раньше хранилось что-то белое и порошкообразное, пакет был все еще пыльным. Живчик уставился на него с изумлением.

– Я не знаю, что это! Это не мое!

– Все так говорят, – весело повторил Саня. – Веришь – сколько лет на службе, и хоть бы один сказал: «Мое»! А что – этого я пока тоже не знаю. Но, по опыту, мел и стиральный порошок при обыске нечасто попадают.

Следователь кивнул:

– Вызывай наряд. В отделение его, оформляйте. И этих тоже, как свидетелей. Будем разбираться.

– Я – жертва! – возмутился Вован, который уже стоял, опираясь на капот машины Живчика.

– Жертву – тоже в отделение. Чувствую, мне сегодня роман в десяти томах писать придется. А ведь обещал жене не задерживаться. Эх...

Отделение находилось неподалеку, ехали едва ли десять минут. «Вот почему полиция прибыла так быстро», – подумала Вероника. По дороге она пыталась выпросить, что там с Ильичевым и Натальей Кругловой, но старший полицейский, назвавшийся капитаном Долининым, резко ее оборвал, сообщив, что вопросы здесь задает он. Разговаривать с Вованом, которого посадили в ту же машину, Долинин тоже не позволил.

Вероника, подумав, достала телефон. Быстро отстучала Вовану сообщение: «Не говори, что ты блогер! Полиция вашего брата терпеть не может. Мы с тобой – коллеги, работаем в фирме по продаже электроинструментов. – До знакомства с Тимофеем она действительно работала в такой фирме. – Ты – менеджером, я – маркетологом. А все остальное расскажешь, как есть. На съемки мы попали благодаря Агнии. Когда вышли на улицу, увидели подозреваемого, и я попросила тебя за ним последить. Все понял?»

Телефон Вована пиликнул. Вован посмотрел сначала на экран, потом, удивленно – на Веронику. Начал:

– А...

– Бэ, – сквозь зубы прошипела Вероника. Толкнула Вована коленом и прижала палец к губам.

Больше Вован, слава богу, голос не подавал. Уставился на экран. Прочитал сообщение и написал: «Понял». Вероника кивнула. Откинулась назад. Телефон в руке пикинул. Что еще? Вероника посмотрела на экран.

«Я не расскажу им о наших отношениях».

«О каких еще отношениях?! У нас с тобой нет никаких отношений!»

«А ты хотела бы?» – Вован заинтересованно уставился на нее.

«Вова, блин! Убью! Нашел время...»

«Это да или нет?»

«Это – иди на фиг! Если спросят об отношениях, можешь так и сказать».

«ОК. Но вообще-то я имел в виду Агнию. Я не расскажу им о наших отношениях. Я слишком джентльмен для того, чтобы посвящать полицию в вещи, которые касаются дамы».

Вован горделиво выпрямился. Вероника закатила глаза.

С переднего сиденья к ним повернулся капитан Долинин. С усмешкой оглядев обоих, поинтересовался:

– Надеюсь, вы успели обсудить все, что хотели? Приехали. Выходим.

Машина остановилась. Покрасневшая Вероника выбралась из салона. На Вована она старалась не смотреть.

– Документы у вас с собой?

– Да.

Вероника открыла сумочку, достала паспорт. Журналистское удостоверение закопала поглубже – знала, что эту братию в полиции обожают еще нежнее, чем блогерскую. Протянула паспорт Долинину. Тот глянул на первую страничку, перелистнул остальные. Отстучал что-то на лежащей перед ним клавиатуре. Предложил:

– Рассказывайте, Вероника Витальевна.

– Что?

– Все. Прежде всего, как вы оказались на съемках?

– Благодаря Вова... то есть Володе, моему другу. Который пытался задержать преступника, а вы его в отделение потащили, – уточнила Вероника.

– Ну, допустим, преступника у нас пока нет, – заметил Долинин. – Есть человек, которого с большой натяжкой можно назвать подозреваемым.

– Почему это – с натяжкой?

– Потому что на данный момент все, что есть, это ваши подозрения. А лично я вас, простите, впервые вижу. И у меня нет никаких оснований доверять вашим словам.

– Так проверьте мои слова! – вскипела Вероника. – Долго, что ли? Говорю вам, Ильичев отравлен! И его отравил Жи...

то есть, тот участник шоу, который пытался сбежать.

– Он не пытался сбежать.

– Что? – нахмурилась Вероника. – Как это – не пытался?

– Ну вот так. – Долинин пожал плечами.

В кабинете он снял фуражку и китель, остался в форменной рубашке с коротким рукавом. Вытер со лба пот. На вид ему было лет тридцать пять. При ближайшем рассмотрении оказалось, что фуражка скрывала залысины, пока еще не очень заметные, а китель – подступающую полноту. Рубашка над ремнем разошлась, из-под нее выглядывал живот.

– Ваш так называемый подозреваемый уверяет, что никуда уезжать он не собирался. К машине пошел за запасной футболкой – сильно вспотел. И от жары, и на нервной почве. А ему буквально под колеса бросился ваш друг. Разбил фару и начал вопить о наезде на пешехода.

Вероника развела руками:

– Видимо, Володя не успел придумать способ, как еще задержать преступника.

– Да почему преступника-то? – вздохнул Долинин. – Объясните наконец?

Вероника вдруг подумала, что Тимофей с таким кислым выражением лица выслушивает мольбы о помощи в духе: «Я чувствую, что за мной следят! Только вы можете мне помочь!»

– Я случайно слышала, как он говорил по телефону, – начала она.

– Кто – он? – перебил Долинин.

– Ну... – Вероника запнулась. – Тот, другой участник. Который не Корсаков.

– Да вы, я смотрю, настоящая фанатка шоу, – усмехнулась Долинин. – Всех участников наизусть знаете. Наверное, с детства мечтали побывать на съемках?

– Я – нет, – процедила Вероника. – Это моя мама фанатка. Она попросила меня взять автограф у Ильичева.

– То есть присутствовать на съемках самостоятельно ваша мама не захотела?

– Она живет в Энске. Мама – пожилой человек, поездка в Москву для нее – событие из ряда вон.

– Имя, фамилия?

– Чьи?

– Мамины.

– Зачем?

– Вероника Витальевна. – Долинин поднял на нее взгляд, в котором явственно читалось: «до чего ж вы все меня задолбали». – Я, кажется, уже говорил, чья обязанность в этом кабинете – задавать вопросы.

– Да вы о фигне какой-то спрашиваете! – не сдержавшись, возмутилась Вероника. – Я вам говорю, что Ильичева отравили, а вы мне – про маму! Она тут вообще ни при чем, в Москву последний раз выбиралась еще до моего рождения. А этот – по телефону говорил!

– «Этого» зовут Андрей Загорцев, – подсказал Долинин.

– Неважно, – отмахнулась Вероника. – Важно, что он сказал! А он сказал, что Федор – та еще тварь. Что он ему заплатит за все унижения, что он не какой-то там червяк, над которым можно безнаказанно издеваться. И Ильичев – умер. Понимаете? Он умер после того, как съел пирожное, которое приготовил этот ваш Загорцев! Но самое главное даже не это. – Вероника приподнялась над столом. – Ильичев-то уже мертвый, ему все равно. А главное то, что если патруль не успеет вовремя, то может погибнуть еще один человек. Который, в отличие от Ильичева, никому ничего плохого не сделал.

Долинин вздохнул.

– И что я, по-вашему, должен делать?

– Откуда я знаю? – вспыхнула Вероника. – Позвоните патрульным, поинтересуйтесь хотя бы! Надо же хоть как-то шевелиться!

– То, что я сижу за этим столом, а не бегаю по потолку, не означает, что ничего не делаю, – повысил голос Долинин. – Вы, Вероника Витальевна, хотя бы примерно представляете, сколько народу успело отснять фото и видео из студии, разослать их по новостным сайтам и распихать по соцсетям? Состояние родственников Ильичева – представляете? У него четверо детей, между прочим! Да у нас тут телефон разрываться начал раньше, чем Ильичев последний дух испустил. Представляете, сколько свидетелей мне предстоит опросить – одной рукой отбиваясь от журналистов? А насчет патруля не волнуйтесь, как только они доберутся до места, мне об этом сообщат. Тем, что буду им названивать, я ничего не ускорю, уверяю вас. Скорее наоборот. Так что успокойтесь и не мешайте мне делать мою работу. Отвечайте на вопросы... Воды ходите? – Он кивнул на стоящий в углу кулер.

Вероника почувствовала, что в горле и впрямь пересохло. И что к Долинину она начала испытывать если не сочув-

ствие, то нечто вроде того. Это Тимофею хорошо: захочет – возьмется за расследование, не захочет – в лес пошлет. А капитана уголовного розыска никто не спрашивает, чего он хочет. Положено протокол составить – значит, сиди и составляй.

– Да, – кивнула Вероника, – не помешало бы. Спасибо.

– Наливайте. Стаканчики там есть.

Вероника подошла к кулеру, взяла стаканчик. И в этот момент зазвонили сразу два телефона: стационарный на столе у Долинина и мобильный, лежащий перед ним. Долинин снял трубку со стационарного, бросил в него:

– Долинин. Секунду, – а другой рукой поднес к уху мобильный. – Алло. Да, Жень. Что там у тебя?

Лицо его ничего не выражало, но говорили в трубке довольно громко. Не слишком отчетливо, однако фамилию «Круглова» прислушивающаяся изо всех сил Вероника разобрала.

– Ясно, – бросил Долинин. – Кроме дочери, есть в квартире кто?.. – И снова: – Ясно. Вызывай криминалистов да оформляйте, чего еще-то?.. До связи, – сбросил звонок. Поднес к уху трубку: – Алло. – Поморщился: – Что там за визг? Ах, психует... Ну так скажи, что психовать он у прокурора будет! А сейчас пусть вспоминает, как свои пирожки лепил, во всех подробностях, шаг за шагом. Пригодится... – В ответ в трубке заговорили горячо и быстро. Долинин снова поморщился. – Да понял я, понял! Свидетельницу отпускаю уже.

Сейчас, две минуты.

Он положил трубку, повернулся к Веронике.

– Что? – выпалила она. – Наталья Круглова тоже умерла, да?

Долинин укоризненно покачал головой:

– Ай-яй-яй. Что ж вы, Вероника Витальевна, такая молодая – и такая кровожадная? В протокольчике распишитесь, – постукал пальцем по лежащему на столе листу.

Вероника вспыхнула – прозвучал ее вопрос и впрямь азартно. Однако так просто сбить себя с толку не позволила.

– Расскажите про Круглову, тогда распишусь. Что с ней?

Долинин нахмурился:

– С ней, Вероника Витальевна, то, что называется «тайна следствия». Грубо говоря, не ваше дело. Расписывайтесь, не задерживайте. – И посмотрел тяжелым взглядом.

Вероника еще постояла возле кулера, но поняла, что ситуация дурацкая. Никаких рычагов давления на Долинина у нее нет, а по доброй воле он ничего не скажет. Не упираться же, в самом деле, отказываясь подписывать протокол? Это во-первых, а во-вторых – ну да, правду следователь ей не сказал. Впрочем, его молчание достаточно красноречиво. Была бы Наталья жива – уж об этом Долинин не преминул бы сообщить, камня на камне не оставив от Вероникиных предположений. Это уж – к гадалке не ходи.

Вероника неловко присобачила так и не наполненный стаканчик обратно к стопке и вернулась к столу.

– Вот тут, где галочка, – показал Долинин.

Вероника взяла ручку и расписалась.

Долинин достал из ящика стола визитную карточку, протянул Веронике:

– Мои контакты, на всякий случай. Благодарю за содействие, всего доброго.

– И вам не скучать, – проворчала Вероника.

Вышла за дверь. Чтобы увидеть, как по коридору ей навстречу ведут Живчика. Наручники с горе-кондитера так и не сняли. Вел его давешний напарник Долинина – который, кстати, пока ехали в машине, поглядывал на Веронику с нескрываемым интересом. Но сейчас парню было явно не до нее.

– Поймите вы наконец – это не мое! – надрывался Живчик. – Сколько можно говорить? Я понятия не имею, как этот долбанный пакет оказался у меня в кармане! Я никого не травил! Для чего мне это делать, в конце-то концов? Зачем мне желать Ильичеву смерти?!

«Затем, что ты его ненавидел, – мелькнуло в голове у Вероники. – Но играешь натурально, спору нет. Не слышала бы твои слова самолично – поверила бы».

– Без нервов, уважаемый. Следствие разберется, – равнодушно бухтел опер.

А проходя мимо Вероники, перед тем, как завести Живчика в кабинет к Долинину, неожиданно обернулся к ней и свойски подмигнул.

«Тридцать четыре, – считала про себя Вероника, – тридцать пять, тридцать шесть... Господи, да ты уймешься или нет?! Тридцать семь, тридцать восемь...»

Она смотрела, как Тимофей отжимается от пола, положив ноги на силовую скамью. С того момента, как влетела к нему в квартиру, успела попить чаю, позалипать в телефоне, полистать журнал, лежащий на столе, – из тех, в которых даже картинки вызывали недоумение, – и, наконец, не придумав себе другого занятия, принялась гипнотизировать взглядом Тимофея.

Выйдя из отделения, она немедленно позвонила ему.

– Тиша! Тут такое! Ты не поверишь. Помнишь Ильичева из кулинарного шоу?

– С тобой все в порядке? – оборвал ее Тимофей.

– Да, – мгновенно скисла Вероника. Она слишком хорошо знала, что он скажет дальше. – Подожди, послушай! Тут...

– В таком случае позвони через полтора часа. У меня тренировка.

И Тимофей, в лучших своих традициях, оборвал звонок.

Вероника взглянула на часы. Беззвучно взвыла. О том, что перезванивать сейчас бесполезно, знала по опыту. Тренировка – это было святое. Лекцию о серьезности этого процес-

са, насколько важно его не прерывать, Вероника прослушала еще в начале их сотрудничества. Раньше чем через полтора часа разговаривать с ней Тимофей не станет. Угораздило же попасть именно в это время! Она вызвала такси. Через сорок минут была дома у Тимофея. И вот уже сорок пять минут наблюдала за тем, как он отжимается, подтягивается, забрасывает ноги вверх, вися на шведской стенке, лупит по боксерской груше и, сидя на полу, завязывается в немыслимые узлы. Уши Тимофея были заткнуты наушниками – во время тренировок он ухитрялся еще и слушать аудиокниги. То есть пытаться с ним заговорить было абсолютно бессмысленно.

Благо Вероника наблюдала тренировку не в первый раз. И помнила, что отжимания с ногами на скамье – это, кажется, уже близко к завершению кошмара.

«Сорок семь, сорок восемь... Блин, да когда ж ты прекратишь?!» – изнывала про себя Вероника. Над скамьей с методичностью автоматического пресса поднималась и опускалась треугольная спина, обтянутая пропотевшей майкой. Живого человека в Тише выдавал разве что пот. В такие моменты он казался Веронике похожим на робота больше, чем когда бы то ни было.

Пятьдесят! Ну, слава тебе, Господи... Тимофей закончил с отжиманиями. Сел на пол в позу лотоса и соединил перед собой ладони.

«Все!» – обрадовалась Вероника. Вот это уже точно последнее. Ближайшие пять минут Тиша проведет, неподвиж-

но сидя на полу с закрытыми глазами, а потом попытка закончится.

Наблюдая такое впервые, Вероника за Тимофея всерьез испугалась – показалось, что он не дышит. Подскочила, осторожно тронула за плечо. И получила серьезный нагоняй – сидение на полу, оказывается, называлось медитацией, и вмешательство в этот процесс являлось кощунством.

Больше Вероника к Тише не лезла. Терпеливо ждала, пока намедитируется.

Дождалась.

Тимофей открыл глаза и поднялся с пола. Вытащил из одного уха наушник и наконец соизволил заметить Веронику. Поинтересовался:

– Что-то настолько важное?

– Да! – выпалила она. – Ильичева убили, представляешь? Отравили прямо на съемках шоу!

– Угу. А Ильичев – это кто?

Тимофей стянул через голову майку, вытер ею лицо и направился в душ. Вероника потопала за ним.

– Это ведущий кулинарного шоу. Ну, помнишь, я рассказывала? «Короли вкуса», которое мама смотрит. На которое меня Вован отвел...

– Ты можешь, конечно, продолжать, но я вряд ли тебя услышу за шумом воды, – сказал Тимофей. Он с сожалением вытащил второй наушник и открыл дверь ванной. Глядя на наушник, проговорил: – Человеку, который изобретет та-

кие же, только водонепроницаемые, лично я с удовольствием поставлю памятник. Всегда почему-то на самом интересном останавливать приходится... А большинство того, что скажешь ты, вероятнее всего, придется повторить. На твоём месте я бы подождал.

Он шагнул в ванную и попробовал закрыть дверь. Но Вероника не позволила. Решительно вошла вслед за ним.

– Я не буду смотреть, как ты раздеваешься, – пообещала она. И демонстративно отвернулась к двери. Предложила: – Раздевайся, включай воду. Отсюда ты меня точно услышишь.

Приготовилась к возмущенным комментариям и к тому, что ее попробуют вытолкать, даже ехидную шуточку на этот случай приготовила. Но возмущаться Тимофеем не стал.

Через несколько секунд, явственно наполненных недоумением (он, видимо, анализировал ситуацию, пытаясь понять, не очередная ли это шутка), за спиной зашелестела одежда. Рациональный человек принял рациональное решение. Открылась и захлопнулась дверца стиральной машины. Шлепнули по дну душевой кабины босые ноги. Полилась вода.

– Ну? – невозмутимо окликнул Тимофей. – Что же ты молчишь? Я слушаю.

Вероника принялась рассказывать. Рассказ получился долгим и путаным. Тимофей, как и следовало ожидать, понятия не имел о том, что на свете существуют кулинарные

шоу, а фамилию Ильичева услышал сегодня впервые.

Он закончил принимать душ, обмотал вокруг бедер полотенце и вышел в коридор, где извлек из ящика единственного в квартире шкафа чистую одежду. Вероника снова целомудренно отвернулась. Прошла в комнату, плюхнулась в кресло Тимофея и продолжила рассказ.

Когда подняла глаза, Тимофей, одетый в привычные треники и футболку, лежал в гамаке. В руках он держал пластиковую бутылку с водой, готовясь открутить крышку. А Вероника как раз добралась до кульминации.

– ...и представляешь? Эта Наташа тоже умерла! – торжествующе закончила она. – Следовательно об этом, конечно, не сказал, но я догадалась. Если бы они приехали побыстрее, ее, наверное, можно было бы спасти. Но этот идиот Долинин меня не слушал... А Живчик – представляешь, какая сволочь? Его на допрос ведут, а он чуть ли не в голос орет, что не виноват!

– Он не виноват.

– Что? – Вероника от неожиданности поперхнулась.

А Тимофей снова вытащил из уха наушник – когда успел его туда засунуть, Вероника не разглядела. Он, слушая ее, параллельно слушал, оказывается, еще и книжку. Сейчас, судя по тому, что коснулся экрана смартфона, остановил запись.

– Человек, которого ты называешь Живчиком, – не убийца, – явно раздосадованный тем, что прослушивание снова пришлось прервать, повторил Тимофей.

Полина тащилась к дому, едва волоча ноги, и проклинала жару. Лето в этом году выдалось каким-то запредельно жарким, МЧС рекомендовало сидеть дома, в обнимку с кондиционером, и молиться погодным богам о спасении.

Н-да, хорошо, наверное, когда есть кондиционер. ПоLINE, правда, всегда казалось, что даже самые лучшие кондиционеры наполняют помещение пусть слабым, но все-таки устойчивым ароматом поношенных носков, хотя... Наверное, это от зависти.

Полина пока что не могла позволить себе обменять жару на запах носков. Хотела устроиться поработать летом, во время каникул, но практику ни к селу ни к городу вкрячили ровно посередине июля. Ни туда ни сюда. В итоге работать все равно пришлось, но – бесплатно.

Да и работой это можно было назвать с большой натяжкой. Никому не была нужна возня со студентами, однако просто так подписать им документы о прохождении практики было бы непедагогично. Как результат – приходилось тащиться каждое утро на метро с двумя пересадками, а потом еще на автобусе к черту на рога. А притащившись к месту прохождения практики и получив отметку о приходе, просто сидеть и ждать, пока кто-нибудь сжалится, обратит на тебя

внимание и со вздохом велит идти домой.

Спрашивается, где вообще логика? Кто этих людей научил так обходиться со временем, пусть даже с чужим? Ведут себя так, будто они бессмертные...

Полина остановилась перед пешеходным переходом. Еще чуть-чуть – и дома. По правде сказать, эту узкую дорожку можно было спокойно перейти, не обращая внимания на светофор. Даже водители тут относились к такому с пониманием – мол, нельзя же рассчитывать на то, что кто-то всерьез воспримет пешеходный светофор в подобном месте. Но мама с детства крепко вбила Полине в голову два неизбывных страха: страх перед дорогой и страх оказаться зависимой.

Нащупав кнопку на дешевой проводной гарнитуре, Полина поставила на паузу очередного спикера TED и вынула наушники. Дождалась зеленого сигнала, посмотрела налево, направо, быстро перешла дорогу и выдохнула с облегчением.

Отец, которого она не помнила, погиб под колесами машины, так и не успев осуществить своих надежд и стремлений. И маме пришлось самой, с маленьким ребенком на руках, пробивать себе дорогу в чужом огромном городе.

Мама не хватала звезд с неба, но умела держаться за добытое, как бульдог, и из того, что имела, выжимала все до капли. Пожалуй, отчасти эти качества унаследовала и Полина. Она не терпела потраченного впустую времени, поэтому каждую минуту своей жизни старалась заполнить чем-то полезным. Слушала эти лекции, которые имели мало смыс-

ла сейчас, но однажды – обязательно! – всплывут в голове и «выстрелят», учила английский и китайский языки. Даже из социальных сетей она пыталась выжать хоть какую-то пользу – раскручивала личную страничку, поставив себе твердое условие не вложить в это дело ни рубля.

До подъезда оставалось несколько десятков метров, и остаток лекции Полина дослушивала в ускоренном режиме. Она знала, что мама дома, ее смена закончилась два часа назад. Если бы не мама, Полина бы не стала ускорять запись, просто зашла бы в квартиру в наушниках. Но маму Полина любила и не позволяла себе ее игнорировать. В конце концов, именно мама ее кормила и обеспечивала всем необходимым, именно благодаря ее усилиям Полина могла выделять время для того, чтобы выковывать из себя будущую хозяйку жизни.

Однажды все изменится. Однажды мама сможет бросить свою ненавистную работу и пожить в удовольствие. Надо вот только закончить универ, и...

Сквозь быстрое лопотание в наушниках слышались удары, едва Полина зашла в подъезд. Она тут же нажала на паузу, однако, как происходило в одном случае из пяти, кнопка не сработала, и наушники продолжали издавать неразборчивые звуки.

– Наташа, открой, пожалуйста! – кричал женский голос.

Полина нахмурилась и, поднявшись по ступенькам, увидела незнакомую женщину, молотящую в дверь ее квартиры.

Женщина, судя по всему, была в отчаянии. Сквозь наушники до Полины донеслись глухие всхлипы.

– Извините, – сказала Полина, – вы кто?

Женщина резко развернулась и уставилась на Полину покрасневшими глазами. Замерла, приоткрыв рот, а потом в глазах будто что-то сверкнуло.

– Ты – Полина, да?

– А что вы хотели? – Тот факт, что незнакомка знает ее имя, никак не расположил к ней Полину. Скорее даже наоборот – она невольно отступила на одну ступеньку.

– Я работаю с твоей мамой, – поспешно заговорила женщина, – на студии. Извини, что сразу не представилась. Меня зовут Софья, я гример. Мама, может, обо мне рассказывала. Про тебя-то она очень много говорила, она так тобой гордится. А я... я...

Слово «гример» что-то всколыхнуло в памяти Полины.

– Вы, наверное, Сонечка? – выпалила она. И тут же спохватилась: – Ой, простите...

Но женщина нервно рассмеялась и кивнула:

– Да-да. Это я. Ты можешь открыть дверь?

Полина вытянула из кармана ключи и шагнула вперед.

– А что случилось? На работе у мамы что-нибудь?

«Что вообще такого может случиться на работе, что потребует экстренного присутствия уборщицы? – пронеслось в голове. – Краску разлили?.. Мешок с попкорном рассыпали?..»

– Да. На работе, – мгновенно побледнев и почему-то шепотом произнесла «Сонечка».

Так ее называла мама, рассказывая о милой, трудолюбивой и приветливой «девочке». В каком-то смысле Сонечка повторяла судьбу самой мамы – приехала в Москву издалека и пыталась пробить себе дорогу самостоятельно, без поддержки родственников и богатых любовников. На этой почве они с мамой, вероятно, и сдружились. Хотя по возрасту Софья была ближе к Полине, чем к маме, максимум лет на десять старше. В общем, для мамы – «девочка», конечно.

– Она ведь должна уже быть дома, – тем же упавшим голосом пробормотала Софья.

– Зашла куда-нибудь, – пожалала плечами Полина и вставила ключ в скважину. – Обычное дело, может, в супермаркете в очереди застряла или решила пешком пройтись...

Ключ не поворачивался. Это могло означать лишь одно: дверь закрыта на верхний замок. Верхний замок использовали в основном как задвижку, закрываясь изнутри. Он и работал как задвижка: просто перемещаешь металлический штырек, и все.

– Странно... – тихо сказала Полина и вставила в верхний замок другой ключ. – Может, мама в душе...

Ну конечно же – в душе. Как можно, вернувшись с такого пекла, не смыть с себя весь этот кошмар?

Ключ повернулся, дверь открылась. Софья тяжело дышала за спиной Полины, как насильник в темном переулке. По-

лина поежилась от такой ассоциации и открыла дверь.

– Мам? – крикнула она, войдя внутрь. – Ты дома?

Туфли мамы уж точно были дома. Стояли под зеркалом в прихожей. И сумка висела на вешалке, где всегда. Свои туфли Полина поставила рядом с мамиными.

Дверь в ванную была приоткрыта, а из щели выглядывала темнота. Точно не в душе...

– Ма-а-ам? – Полина прошла в комнату (может, мама прилегла, плохо себя чувствует?). – Тут к тебе с работы...

Но в комнате было пусто. А из кухни донесся вскрик. Полина бросилась туда и замерла на пороге.

– Мам? – прошептала она.

Мама лежала на полу. Рядом с ней на коленях стояла Софья и дрожащей рукой пыталась нащупать пульс.

Руки, ноги... все тело как будто налилось свинцом. Полина не могла заставить себя пошевелиться.

Ладонь Софьи исчезла из «кадра». Послышалось какое-то шуршание. А потом:

– Алло! Алло! Второй Печатниковский проезд, семнадцать, квартира тридцать два. Здесь женщина умерла. Приезжайте скорее...

В одно мгновение мир попросту рухнул.

Полина сидела в комнате на диване и смотрела перед собой невидящим взглядом.

Сколько прошло времени с тех пор? Всего ничего, или – целая вечность.

Вечность, которая вместила в себя и истерику, и пришедшую после нее апатию.

Не успела Софья закончить разговор со скорой, как в оставшуюся открытой дверь вошли двое полицейских, а потом как-то незаметно кухня превратилась в сцену детективного сериала.

Вспышки фотоаппаратов, куча полицейских и криминалистов, слова, слова, слова...

– Гражданка Круглова, нужно ответить на несколько вопросов.

Полина вздрогнула, подняла голову и уставилась на одного из тех безликих и бессмысленных полицейских, что наводнили квартиру. Он стоял перед ней, заслоняя собой выключенный телевизор. Старенький телевизор, еще с выпуклым кинескопом, от которого, казалось, через десять минут просмотра начинают вытекать глаза.

– Что? – спросила Полина.

– Где вы были до того, как...

– Да вы рехнулись, что ли?! – слышался еще один голос.

В комнату вошла Софья. Полицейский неодобрительно оглянулся на нее.

– Девушка. Не мешайте работать.

– Эта девочка только что лишилась матери! – Софья бросилась к Полине.

– Я понимаю.

– Нет! Вы – не понимаете! Хотите кого-то допрашивать – допрашивайте меня, а она просто вернулась домой, как обычно. Она ничего не знает! Оставьте ее в покое.

– А вы, получается, что-то знаете? Почему вы оказались здесь?

– Потому что Ильичев отравился и умер сегодня на съемках, вот почему я здесь! – сорвалась на крик Софья. – Потому что Наташа не знала про яд, ее смена заканчивалась. Она просто дождалась, пока Ильичев отфутболит блюдо, и забрала эти чертовы пирожные! А я не смогла до нее дозвониться, и...

– Вот как, – усмехнулся полицейский. – «Просто забрала». То есть, по-вашему, это в порядке вещей – «просто» тащить домой все, что плохо лежит?

– Не смейте! – взвилась Софья. – При дочери – как вы можете такое говорить? Вот, так и знала, что вы... Хорошо, что я осталась. Не слушай его, Полиночка. – Она обняла Полину за плечи. – Твоя мама – святая женщина. – И снова, на

глазах обретя силы, набросилась на полицейского: – Этому надутому козлу Ильичеву, у которого и так денег – куры не клюют, теперь, небось, памятник поставят! Медалью наградят посмертно! А Наташа, значит, – «все, что плохо лежит»? Да вы знаете, сколько она получала? Знаете, как ей за эти гроши впахивать приходилось? А говорить теперь все будут только про эти несчастные пирожные...

– Пирожные, – услышала вдруг Полина свой голос.

Софья и полицейский повернулись к ней.

– Что, простите? – спросил полицейский.

– Опять. Эти. Пирожные, – прошептала Полина. – Надкусанные тортики... Остатки десертов... Я никогда их не ела. Никогда! И ее сто раз просила не брать их! Не унижаться! А она... Зачем она это сделала, дура?! – Полина не сразу поняла, что уже не шепчет, а кричит.

Из протокола допроса Софьи

– Почему вы подумали, что гражданин Ильичев был отравлен?

– Я так не думала.

– А как же вы думали?

– Я подумала, что он отравился.

– А это не одно и то же?

– Нет, если русский язык для вас – родной.

– Не дерзите, пожалуйста. Так почему вы подумали, что гражданин Ильичев был отравлен?

– Господин Долинин...

– Меня зовут Максим Андреевич.

– Хорошо, Максим Андреевич. Вы меня вообще слышите? Я не думала, что Ильичев «был отравлен». То есть я не думала, что его кто-то отравил. Просто человек попробовал пирожное, а через минуту упал. И та девушка из зрительного зала, которая к нему подбежала, сказала, что он не дышит. Если бы она так не сказала, я бы подумала, что просто перхнулся.

– То есть вы увидели, как Ильичев попробовал пирожное, потом увидели, что он упал, услышали констатацию смерти от непрофессионала и сделали однозначный вывод: Ильичев отравлен. Так?

– Я предположила, что он отравился. Понимаете? Не отравлен, а отравился, это разные вещи! Когда у вас в семье кого-то рвет или, простите, понос начинается, вы ведь первым делом вспоминаете, что этот человек ел, правда?

– Отвечайте, пожалуйста, на вопросы. Итак, вы предположили, что Ильичев отравился. И что предприняли?

– Я пошла в кухню...

– Для чего?

– Не знаю. Хотела убедиться...

– В чем? Вы ведь работаете гримером, верно?

– Верно.

– И как вы связаны с кухней?

– Никак.

– Никак... Но тем не менее, пока все остальные сустились вокруг Ильичева, вы зачем-то отправились на кухню.

– Я не врач. И от моей сусти не было бы никакой пользы. Но я предположила, что с пирожными что-то не так. Уже потом подумала, что, может, у Ильичева просто была аллергия... А почему вы спрашиваете вообще? Вы меня что, в чем-то подозреваете?

– У меня, Софья Николаевна, работа такая – подозревать всех и каждого. Вы в данном случае не исключение.

– Что-о?!

– Не кричите, пожалуйста. Вы, вероятно, удивитесь, но я тоже человек. И уже почти сутки на ногах... Итак, вы пошли на кухню. Что вы там делали?

– Осмотрелась и увидела, что на подносе лежат всего три пирожных. А было больше, штук шесть. Я поняла, что остальные кто-то забрал, и стала выяснять, кто. Мне сказали, что это Наташа.

– То есть Круглова?

– Да, ей Вера Сергеевна разрешила. Вера Сергеевна – наш помреж, помощник режиссера.

– А кто вам сказал, что Круглова забрала пирожные?

– Уборщица.

– А Круглова – не уборщица?

– И Круглова уборщица. Но они работают в разные смены, одна уходит, другая приходит.

– Ясно. То есть, когда вы пришли на кухню, уборщица была там?

– Нет. Там вообще никого не было, кроме Агнии, но она ничего...

– Кто такая Агния?

– Ассистент.

– А она что делала на кухне?

– Понятия не имею, спросите у нее. Мне показалось, что-то искала. Когда я подходила, видела в окно, как она копается в шкафчике.

– В окно?

– Ну, там окна вместо стен. Чтобы снимать удобно было. И окна специальные: со стороны кухни – зеркало, а снаружи – обычное стекло. Но Агния искала не пирожные, она сказала, что не знает, куда они могли деться. И тогда я побежала к уборщице.

– Имя, фамилия?

– Уборщицы?

– Ваши я знаю. Свои тоже.

– Ой... Фамилию не назову, мы почти не общаемся. Имя – Наташа звала Раей, но, думаю, на самом деле другое. Позаквыристей. И вот эта Рая сказала, что Наташа забрала пи-

рожные и поехала домой, ее смена закончилась.

– А у вас на студии такое в порядке вещей – уносить домой все, что плохо лежит?

– Да что ж такое! Что вы как сговорились-то все?! Почему вы у меня об этом спрашиваете? Я не помреж и не директор студии, если хотите, обратитесь к ним.

– Ясно. И что же вы предприняли дальше?

– Дальше я попыталась дозвониться до Наташи, но она не брала трубку. Потом вообще стала недоступна. Я подумала, что у нее сел телефон, и поехала к ней домой.

– Так вот запросто, посреди рабочего дня, взяли и поехали? Или у вас тоже закончилась смена?

– Нет. Не закончилась.

– А как же тогда?

– Я... Я волновалась, ясно вам?! Жутко испугалась за Наташу. Живет она недалеко, а на студии такой переполох поднялся! Скорую вызвали, вас... Я решила, что услуги гримера в ближайшее время точно никому не понадобятся. Ну и уехала потихоньку. Решила, что если хватятся, скажу – голова разболелась.

– Ясно. А где вы взяли адрес Кругловой?

– У нас есть специальный журнал, где записаны адреса всех сотрудников.

– А почему вас вообще так взволновала судьба Кругловой? Вы дружили?

– Можно сказать и так.

– А как еще можно сказать?

– Можно сказать, что я завидовала ее карьерному взлету, блин! И отравила, чтобы самой стать главной среди уборщиц.

– Вы отдаете себе отчет в том, что я не буду ставить в протоколе пометки «сарказм»?

– Прошу прощения. Да, мы дружили. Ну как дружили – как обычно на работе дружат. Здоровались, разговаривали. Чай пили. Наташа много рассказывала о своей дочери, Полине. Можно сказать, жила ради нее.

– А вы с Полиной раньше не встречались?

– Нет. Раньше не встречалась.

– В смысле – не виноват? – Вероника, все еще не веря, что он говорит серьезно, смотрела на Тимофея. Потом поняла. Всплеснула руками. – Ты меня совсем не слушал, да? Что там у тебя? – с ненавистью уставилась на смартфон в его руке.

Тимофей нежно погладил экран.

– Иммануил Кант. «Критика чистого разума». Давно хотел добраться и, ты знаешь, не пожалел! Безусловно, по нынешним временам многие теории старика кажутся наивными, но...

– Ясно, – убито сказал Вероника. – То есть меня ты не слушал. Ну конечно! Куда уж мне до тебя и твоих гениальных идей! Подумаешь, сама вычислила преступника. Подумаешь, заставила полицию его задержать. Это ведь вообще ничего не значит... Знала бы, что ты такая сволочь, не стала бы тут сидеть! Только время зря потеряла. Пока, Тиша. – Она, пылая праведным гневом, поднялась и пошла к двери.

– Федор Ильичев, один из главных рестораторов страны, а по совместительству телезвезда, судья кулинарного шоу и редкостная скотина, скончался на твоих глазах после того, как попробовал пирожное, приготовленное одним из участников шоу, – прилетело ей в спину. – Ты вместе с Вованом

вышла на улицу и услышала обрывок телефонного разговора, в котором этот участник проклинал Ильичева на чем свет стоит и грозился ему всеми карами небесными. – Вероника остановилась на пороге. – На этом основании, – спокойно продолжил Тимофей, – ты сделала вывод, что Ильичева отравил он. – Вероника услышала, как отхлебнул воды из бутылки. – Ты вернулась в студию, куда к тому времени прибыла полиция. Отследила судьбу отравленных пирожных – оказалось, что часть их осталась в студии, а часть на голубом глазу утащила домой уборщица. Ты всполошила полицию заявлением о том, что тебе известно имя отравителя. Заставила выслать патруль домой к уборщице – в надежде, что она не успеет съесть пирожные, – и арестовать участника шоу, у которого при обыске обнаружили пакет со следами белого порошка. Участник шоу сейчас в полиции, дает показания. Уборщица мертва – она успела попробовать пирожные раньше, чем прибыл патруль. Все верно? Я ничего не упустил?

Вероника обернулась.

Тимофей покачивался в гамаке. Одну руку он небрежно закинул за голову, в другой держал бутылку с витаминизированной водой.

– То есть ты меня все-таки слушал? – растерянno пробормотала Вероника.

Тимофей приподнял бровь:

– Хочешь, чтобы я пересказал эту увлекательную историю еще раз?

– Спасибо, достаточно. Просто если ты и правда слушал... Почему тогда говоришь, что Живчик не виноват?

– Потому что он не виноват. – Тимофей снова запрокинул голову и приложился к бутылке.

– Но он же грозил Ильичеву! Он обещал, что тот поплатится! И пакет у него нашли.

– Пакет могли подбросить – во-первых. – Тимофей закрыл крышку и поставил бутылку на пол. – Как, собственно, и уверял с пеной у рта этот твой Живчик. Во-вторых, что было в пакете, пока еще неизвестно.

– А угрозы?!

– А ты вспомни получше, что именно он говорил, – оттолкнувшись ногой от пола, предложил Тимофей. – И поставь себя на его место. Я ведь правильно понял, что Ильичев не сказал ни слова о качестве пирожных, а попросту выставил Живчика вон, изнывать от неизвестности?

– Ну... да.

– Ну вот. А теперь подумай, какими словами ты сама на его месте крыла бы Ильичева.

– Крыть – это одно! А убивать...

– Да с чего ты взяла, что он убил? С того, что обстоятельства повернуты к тебе своей самой привлекательной стороной? Не повернулись, заметь, а именно повернуты? В кармане у человека, который явно и откровенно терпеть не может Ильичева, внезапно обнаруживают пакет с остатками подозрительного содержимого... – Тимофей покачал головой. –

Детский сад, да и только. А самое печальное в этой истории – знаешь что?

– Ну? – буркнула Вероника.

Села обратно в кресло.

Она вдруг почувствовала, что жутко устала. Как будто это она, а не Тимофей, битых полтора часа истязала себя упражнениями. По нему-то и не скажешь – вон какой свеженький. Аж противно.

– Самое печальное здесь то, что следовательно, вероятнее всего, будет руководствоваться теми же соображениями, что и ты. К сожалению, бóльшая часть преступлений примерно так и раскрывается. Человек видит знакомый шаблон – и тянется к знакомому шаблону. А то, что не укладывается в него, он попросту подгоняет. Заставляет себя видеть то, чего нет, и закрывать глаза на то, что есть. И очень хочется верить, что делает это хотя бы не по злему умыслу.

– В смысле? – нахмурилась Вероника.

Тимофей вздохнул:

– Ну вот представь: перед тобой рассыпали кубики. Их немного, они яркие и легко сложились в простую, понятную картинку. Спрашивается, чего еще желать? Человеческий мозг устроен так, что лишний раз напрягаться после того, как все уже вроде бы сделано, ему лень. Человек, в мозгу которого картинка уже сложилась, предпочтет не обращать внимания на то, что один из кубиков чуть выбивается по цвету. Или на то, что остались лишние кубики. Тот, кто убил

Ильичева, именно на это и рассчитывал. На то, что следствие с готовностью вцепится в очевидные факты, а дыры предпочтет не заметить.

– Какие еще дыры?

– А ты вспомни хорошенько, что говорил твой Живчик, – предложил Тимофей. И снова качнул гамак. – Он ведь говорил, что Ильичев поплатится, верно?

– Ну... да.

– Поплатится! – Тимофей поднял палец. – В будущем времени, Вероника! Имея в виду, что он поплатится – когда-нибудь. Потом. Но ведь если Живчик уже подсыпал в пирожные яд, если он знает, что Ильичев, вероятнее всего, умер, – разве он говорил бы так? Он сказал бы что-то вроде: так ему и надо, туда этой скотине и дорога. А слова Живчика – это слова человека, который пока только грозитя что-то сделать. Грозится, а не уже сделал – чувствуешь разницу?

Вероника задумалась. Снова припомнила и слова Живчика, и выражение его лица. Тимофей, похоже, опять оказался прав.

– Да, но... Кто же тогда убил Ильичева? – растерянno пробормотала она.

– Нанимаешь меня для проведения расследования? – уточнил Тимофей.

Вероника фыркнула:

– А хочешь сказать, что ты еще не нанялся? С чистой душой позволишь заниматься этим делом официальному след-

ствию?

Тимофей поморщился.

– Ну, официальное следствие, положим, от моего вмешательства никуда не денется. Трупы есть – значит, будут расследовать. И учти еще вот что: до сих пор мы с тобой работали на частных лиц. Которых не интересовало ничего, кроме результата. В данном же случае вычислить преступника – мало. Для того чтобы справедливость восторжествовала, нужно будет еще и предоставить убедительные доказательства его виновности.

– Значит, предоставим, – пожала плечами Вероника. – Дело-то.

– Шутишь? – помолчав, осторожно уточнил Тимофей.

– Ни в коем случае. Серьезна, как надгробие.

– Тогда работаем. – Тимофей спрыгнул с гамака на пол, выпрямился. – Подготовь мне информацию по этому шоу – всю, какую найдешь. Условия, продюсеры, призовой фонд, сколько сезонов снято, участники. Особенно – участники.

Он подошел к креслу, в котором сидела Вероника, и в красноречивой позе замер перед ним. Вероника, скорчив недовольную рожицу, встала. Буркнула:

– О'кей, Шерлок. А ты что будешь делать?

– А я постараюсь вытащить из Сети все, что оттуда еще не успели удалить. – Тиша уселся на свое законное место. – Сама же говоришь, в студии была целая толпа людей, которые снимали видео и фотографировали. Понятно, что полиция,

скорее всего, уже занялась зачисткой, но полностью они эти кадры не истребят при всем желании. Так что куй железо, пока горячо.

– Пока есть, что ковать, – поправила Вероника.

Тимофей сосредоточенно сдвинул брови:

– Ты уверена?

– Абсолютно.

– О'кей. Принял. – Тимофей развернул кресло и придвинулся к столу.

Довольная Вероника, изо всех сил стараясь на улыбаться, плюхнулась в освободившийся гамак.

Проведя большую часть сознательной жизни за границей, по-русски Тимофей говорил излишне старательно. Каждое слово он как будто взвешивал, а идиом и поговорок почти не знал. Вероника ему с удовольствием помогала в изучении. Тиша ей, как ни странно, верил. Ну то есть пока еще верил.

Капитан уголовного розыска Максим Андреевич Долинин стоял с сигаретой в специально отведенном закутке в конце лестницы и задумчиво потягивал горький дым. Никто не мог запретить ему курить в кабинете, но он предпочитал, чтобы там, где работает или живет, воздух был чистым. Довелось на старте карьеры побывать в множестве прокуренных вертепов, воспоминания как о них, так и об их обитателях остались не самые приятные.

Мобильник молчал уже почти пять минут. За это чудо нужно было вознести хвалу высшим силам. Не иначе сам господь бог тоже решил устроить перекур и поставил все дерьмо на паузу.

Дело, обрушившееся на Долинина, как гром среди ясно-го неба, с самого начала обещало превратиться в самосвал с дерьмом.

Убийство. Мало того – спланированное убийство. Отравление. Пара часов – и легким движением руки убийство превращается в двойное. Даже если бы только эта информация просочилась в прессу, с Долинина уже три шкуры спустили бы, требуя незамедлительных посадок.

А тут еще и громкое имя первой жертвы. Ильичев.

Долинин поморщился. Что вообще не так с этой страной?

С этим миром? В котором главной звездой телеэфира становится лучший повар?

А как насчет самого лучшего строителя? Самого лучшего инженера-проектировщика доменных печей? Самого лучшего полицейского? Эмчезсника? Преподавателя? Дворника?

Но нет. Люди хотят только развлекаться, жрать и покупать новые тряпки. И развлекаться предпочитают, глядя на то, как другие жрут и обзаваются тряпками. Когда-то требовали хлеба и зрелищ, а сейчас все слилось воедино...

Однако зарплату Долинину платили не за философию, и ему оставалось лишь принять как факт: телезвезда национального масштаба убита. Налицо дело, которое нельзя спустить на тормозах. А значит, нужно как можно скорее найти подходящего кандидата, состряпать ему какой-никакой мотив и молиться что есть силы, чтобы у этого человека внезапно не всплыло железобетонное алиби, которое в суде разрушит все.

На самый крайний случай есть, конечно, и специальные люди, которые без проблем возьмут на себя даже убийство. Только вот стоят такие услуги недешево, и бухгалтерия этих денег не выделит, само собой. Кроме того, с такими людьми не заключаются договоры, имеющие юридическую силу, и сюрприза можно ожидать в любой момент.

Все эти невеселые мысли пронеслись в голове Долинина, еще пока он ехал на место преступления. Однако там, поми-

мо самосвала с дерьмом, его ждала невероятная удача. Сладкий сон любого оперативника: преступник задержан по горячим следам. Мало того – при нем обнаружено орудие убийства! Да еще и мотив налицо. Возможность в наличии. Спрашивается, чего еще желать?

Если все срастется в елочку, то не будет никакого самосвала с дерьмом, а будет самосвал с золотом. Ну, так – небольшой пластиковый самосвальчик. В котором как раз поместится пара золотых сережек. Сыну – игрушка, жене – взятка, чтобы и дальше продолжала смотреть сквозь пальцы на ненормированный рабочий график супруга...

Дверь за спиной приоткрылась почти беззвучно, но поток воздуха изменился, и снизу долетели чьи-то голоса. Долинин обернулся и кивнул Смурову, тучному начальнику оперов. Тот, переводя дыхание (девять ступенек – не хрен собачий, в сорок-то лет такие нагрузки...), достал из пачки сигарету без фильтра и жестом попросил у Долинина прикурить.

Щелкнула зажигалка, крохотный огонек лизнул выкрашивающийся табак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.